

ИВАН ОВСЯННИКОВ

В ЗАЩИТУ БОЛЬШИНСТВ

Иван ОВСЯННИКОВ (р. 1982) – левый и профсоюзный активист, публицист. Редактор сайта www.anticapitalist.ru, член Центрального совета Российского социалистического движения. Живет в Санкт-Петербурге. В своих статьях он серьезно и доходчиво формулирует «левую политику ценностей», рассказывая о взаимосвязи бесправия и угнетения наемных работников, составляющих большинство общества, с ущемлением самых разных групп, о взаимосвязи социальной/классовой и демократической, антипатриархальной, антиконсервативной борьбы.

Новые красные - это представители поколения левых активистов и теоретиков, которые критически переживают опыт альтерглобализма и движения Оссиру, но не жаждут возвращаться к ортодоксальной партийной политике; чтят великих революционеров прошлого, но не считают нужным и возможным копировать их опыт; видят своей задачей совмещение повестки угнетенных групп и сообществ с политическим проектом эксплуатируемого мирового большинства.

текст - Иван Овсянников
обложка - Николай Олейников
верстка - Кирилл Медведев, Николай Олейников

свободное марксистское издательство
серия новые красные, 2015

ПРОЛЫ,
ИНТЕЛИ,
ХИПСТЕРЫ,
КРЕАКЛЫ...

РАБОЧИЙ КЛАСС В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ. ЧТО СТОИТ ЗА «ГЛУХИМ СМИРЕНИЕМ»?

В этой статье я хотел бы, скорее, поставить вопросы, от решения которых зависит определение стратегии российских левых, чем сформулировать ответы. Речь пойдет о причинах и возможных путях преодоления кризиса рабочего движения.

Я согласен с тезисом, выдвигаемым участниками «Рабочей платформы», утверждающими, что успех социалистической политики, в конечном счете, связан с динамикой социально-трудовых протестов и прогрессом независимых от властей и работодателей рабочих организаций. События в России в 2011-2012 годах и в сегодняшней Украине наглядно демонстрируют, что протестные выступления, в которых рабочие не выступают как политический субъект (класс), не заявляют о собственных интересах, обречены либо на поражение, либо на такую «победу», которая хуже поражения.

Но, на мой взгляд, подобных констатаций мало для того, чтобы занять осмысленную и активную позицию. Дистанцируясь от «неправильных» протестных движений, мы несколько не приближаемся к пониманию тех «неправильностей», которые характеризуют социальное поведение постсоветских рабочих.

Прежде чем приступить к делу, я хотел рекомендовать читателям книгу социолога Бориса Максимова «Рабочие в реформируемой России. 1990-е-начало 2000-х годов», на которую я буду часто ссылаться. Несмотря на то, что книга вышла в 2004 году и основана на материалах исследований, проведенных в 90-е, многие ее выводы несколько не устарели.

История современного рабочего движения может быть условно разделена на три периода: подъем в эпоху Перестройки, агония в 90-е годы и стагнация в годы путинизма.

На протяжении всего этого времени происходили значительные изменения в самосознании рабочих. Итоги выглядят странно, и не соответствуют тем ожиданиям, которые показались бы логичными с точки зрения схематического марксизма.

Пролетарская контрреволюция?

Это кажется парадоксальным, но крушение советского проекта протекало в формах, напоминавших классическую марксистскую революцию (убийственный факт для официального коммунизма). Шахтерские забастовки 1989 года, сыгравшие важную роль в приходе к власти «демократов» и Бориса Ельцина, разворачивались так, как будто независимое рабочее движение в СССР не было подавлено на протяжении многих предшествующих десятилетий. Именно в то время стали возникать альтернативные профсоюзы, крупнейшим из которых стал Независимый профсоюз горняков.

Возрождению (или, скорее, новому рождению) рабочего движения способствовал общественно-политический подъем в стране, но также и круг представлений, сформированных марксистской идеологией. «На первых порах перестройки, - отмечает Максимов, - прежние представления о миссии рабочего класса... работали. Эти представления проявились при первых мощных выступлениях шахтеров и, вероятно, были одним из главных факторов именно инициативной активности рабочих. В интервью приходилось неоднократно слышать от рабочих, что они были воспитаны в духе авангарда и ощущали обязанность вести себя соответствующим образом... При этом приверженность прежним установкам... увязывалась с оппозиционностью к государству, провозгласившему гегемоном рабочих»[1]. Наиболее ярким проявлением именно классового самосознания рабочих рубежа 1980-90-х стала широкая солидаризация с работниками других предприятий и народом в целом (что совершенно невозможно себе представить сегодня или даже

в 90-е годы) и сочетание экономических требований с политическими.

«Солидарность сыграла первостепенную роль на первом этапе российского РД (рабочего движения – Авт.), - подчеркивает Максимов, - Забастовки первой волны распространялись со скоростью пожара не только вследствие сходства условий... но и в силу солидарности, заражения, стремления не только заявить о себе... но и оказать поддержку другим... На Кировском заводе, если один участок на тракторосборочном конвейере объявлял забастовку, к нему присоединялся весь цех, а затем и тракторный завод».

Идеология рабочих выступлений, как и большинства общественных движений, перестроечного времени была «либерально-коммунистической», сочетая в себе идеи об обновленном социализме и реальной власти советов с рыночными иллюзиями (необходимость «крепкого хозяина» и т.п.). К сожалению, у меня нет под рукой изданного в 1992-м году сборника документов, относящихся к сопротивлению путчу ГКЧП в Ленинграде. В них содержатся интересные факты, например, о поддержке Ленсовета рабочими питерских предприятий, создававших «комитеты в защиту советской власти» (!) и проводивших забастовки, вопреки воле директоров-«реакционеров», утверждавших, что введение рынка уничтожит оборонную промышленность.

Последовавшая вслед за этим социальная катастрофа, казалось бы, должна была сопровождаться мощными вспышками рабочих выступлений против ельцинского режима и формированием нового профсоюзного движения взамен профобъединений бюрократического типа. Однако в действительности картина была иной. Кратковременное возрождение сменилось агонией и длительным упадком.

90-е: агония

Рабочее движение 90-х годов по сравнению с последующим периодом кажется весьма внушительным.

Забастовки в России в 90-е гг.*

Годы	Число предприятий, на которых прошли забастовки (промышленность, строительство, транспорт и связь)	Число бастующих (тыс. чел.)
1990	219	87.9
1991	384	168.7
1992	145	53.6
1993	234	118.7
1994	225	117.6
1995	256	158.8
1996	589	379.9
1997	394	209.9
1998	286	132.3
1999	32	10.8
2000	11	4.2

* По данным Госкомстата России. Цит. по: Б. И. Максимов, Рабочие в реформируемой России, М., 2004, с. 118

Однако для того, чтобы правильно оценить сущность и масштабы рабочего протеста в 90-е годы, следует учесть ряд фактов. Один из них состоит в том, что борьба рабочих протекала в условиях общей деиндустриализации и разрушительного передела собственности, когда речь в подавляющем большинстве случаев шла о выживании предприятий и занятых на них работников. По данным, которые приводит Максимов, от 90 до 98% всех рабочих выступлений этого периода были вызваны невыплатой заработной платы. Все остальные экономические требования, такие как улучшение условий труда, повышение зарплаток, борьба с сокращениями и прочие – отступили на задний план. Другой характерной чертой стало то, что во многих случаях инициаторами забастовок и протестов выступали «красные директора», использовавшие трудовые коллективы для давления на региональные и центральные власти. Хотя в условиях глубочайшего экономического кризиса интересы рабочих и администраций могли совпадать, выступления такого рода не способствовали возникновению независимых рабочих организаций.

Чуждость положения, в котором оказались трудящиеся, не породила соответствующего масштабам катастрофы противодействия. По данным Максимова в 1999 году соотношение числа предприятий, на которых имели место задержки заработной платы и вызванных неплатежами трудовых протестов составляло примерно 800 к 1. При этом доминирующей формой рабочих выступлений были не стачки или бунты, а различные формы «страдательного протеста» (прежде всего, голодовки). По числу забастовок Россия 90-х годов находилась на уровне таких стран, как Канада, Англия, Япония, что, учитывая несопоставимость экономических условий, дает крайне низкий уровень протестной активности в трудовой сфере.

Даже такие резонансные акции конца 90-х как рельсовая война и шахтерский пикет на Горбатом мосту кажутся лишь слабым эхом протестов конца 80-х. Несмотря на то, что эти

акции, на фоне дефолта и хронического правительственного кризиса, имели определенные последствия (выполнение части шахтерских требований, назначение премьером Примакова), бросается в глаза слабость солидарной поддержки шахтерских выступлений, за которыми последовала не буря, как рассчитывали некоторые профсоюзные лидеры, а затяжной штиль.

Рабочий протест в эпоху стабильности

Упадок рабочего движения в 90-е годы объясняют развалом промышленности и общей деградацией рабочего класса. Численность промышленных рабочих в 2000 году составляла 61% к их численности в 1990-м[2]. Массовые сокращения затронули наиболее квалифицированные кадры. По данным Максимова, доля опытных рабочих среди безработных в 1992-2000 гг. составляла от 79,9 (1992) до 88% (1997)[3].

Однако восстановление экономики в 2000-е годы и, в том числе, оживление промышленного производства, приход на российский рынок транснациональных компаний, вопреки ожиданиям, не привели к активизации рабочего движения. Отдельные выступления нового типа, вроде забастовок на заводе «Форд» во Всеволожске, имели лишь ограниченное влияние. Новые профсоюзы, такие как МПРА, исповедующие идеологию коллективных действий, пока остаются крайне малочисленными, в то время как бюрократические структуры ФНПР, ориентированные на патернализм, продолжают доминировать. Официальная статистика забастовок, регистрирующая лишь «официальные» акции, не заслуживает доверия (например, в кризисном 2008-м году Росстат зафиксировал всего 4 стачки, в 2009 – одну, в 2010 – ни одной). Альтернативная статистика, ведущаяся Центром социально-трудовых прав (ЦСТП), демонстрирует иную картину. Согласно этим данным (учитывающим широкий спектр форм протестной активности рабочих, включая незаконные) в 2009-м и в 2011-2012-м[4] наблюдался всплеск числа трудовых конфликтов.

Количество трудовых протестов и стоп-акций в 2008-2012 гг.*

Годы	Количество трудовых протестов	В т.ч. стоп-акций
2008	96	60
2009	272	106
2010	205	88
2011	262	91
2012	285	95

Под стоп-акциями авторы мониторинга понимают не только забастовки или «итальянки», но также и более локальные акции, сопровождающиеся остановкой работы (например, индивидуальный или групповой отказ от работы при невыплате зарплат или нарушении администрацией норм охраны труда). К трудовым протестам ЦСТП относит также выдвижение требований к администрации или коллективные жалобы в госорганы (такие действия авторы обозначают как «минимальные» проявления рабочего протеста). По данным мониторинга, в 2010-2012 гг. они составляли от 41 до 54% зарегистрированных акций.

Невыплата заработной платы по-прежнему является наиболее распространенной причиной трудовых протестов (от 34% в 2008-2009 до 57% в 2012), однако доля иных причин существенно возросла по сравнению с 90-ми годами.

Безусловно, данные мониторинга ЦСТП являются ценным и практически уникальным источником сведений о динамике протестной активности в сфере труда. Но трудовой протест – не синоним рабочего движения и, тем более, не синоним классовой борьбы. С марксистской точки зрения базовым элементом классового или пред-классового (тред-юнионистского) сознания является ориентация рабочих на солидарность и коллективные действия.

* По данным мониторинга ЦСТП

Есть существенное различие между классической забастовкой (успех которой зависит от вовлечения в нее большинства или значительной части рабочих, выдвижения общих требований и т.п.) и отказом от работы одного рабочего или их небольшой группы. Подписание петиций и направление жалоб в трудовую инспекцию, конечно, могут быть частью профсоюзной кампании, но сам по себе такой протест в лучшем случае нейтрален по отношению к задачам становления рабочего движения. Максимов довольно ярко описывает подобные действия рабочих в очерке, посвященном трудовым отношениям на одном из питерских предприятий в 2001 году: «Форма выражения была выбрана достаточно традиционная – обращение к руководителю предприятия посредством подачи заявления... Порыв был явно ситуационным, о чем свидетельствует... то, что заявление «подписали станочники, кто находился в данный момент на работе». Методично собирать подписи не стали. Подписали... всего 9 человек, таким образом, это было обращение группы, не трудового... коллектива цеха, даже не участка... В восприятии рабочих это был весьма решительный шаг так, что им приходилось «преодолевать труса в себе». Поэтому мало было и подписей... Генеральный директор просто проигнорировал заявление рабочих... На отказ они ответили чувством обиды за недостаточность внимания к ним... Но в целом, очевидно, игнорирование обращения устроило рабочих. Они словно и не ожидали иного... Добиваться рассмотрения заявления, тем более реальных изменений в положении, рабочие не стали... Они ушли в глухую оборону, точнее говоря, - в «глухое смирение», прикрытое «глубокой обидой»[5].

Пожалуй, главным недостатком мониторинга является то, что, регистрируя даже минимальные проявления трудового протеста, он не дает представления о численности участников акций (во всяком случае, нам не удалось обнаружить таких данных в опубликованных материалах). Исходя из моих собственных наблюдений, а также низкой результативности рабочих выступлений (полное удовлетворение

требований: от 7,4% (2012) до 9,9% (2009) случаев; частичное – от 7,3% (2010) до 14,7% (2012), можно сделать вывод, что львиная доля зарегистрированных мониторингом акций были действиями инициативного меньшинства, не поддержанного большинством работников, по-прежнему находящихся во власти «глухого смирения».

Что стоит за «глухим смирением»?

Вопрос этот является своего рода «философским камнем» постсоветской левой мысли, и я далек от того, чтобы пытаться разрешить его в рамках этой статьи. Представляется, что экономических и исторических доводов, которые часто приводят левые авторы, недостаточно, чтобы объяснить депрессивный характер рабочего движения за последнюю четверть века. Утеря традиций классовой борьбы? Но в 80-х мы наблюдали стремительное возрождение этих традиций практически на пустом месте, причем в условиях куда меньшей доступности информации, чем сегодня. Почему того же не произошло в 2000-х?

Экономический упадок 90-х? Относительное «проспери» эпохи стабильности? Кризис 2008-2009? Конечно, эти факторы, по-видимому, сыграли свою роль, но почему они сыграли ее так, как сыграли? Следуя этой логике, получается, что, какой бы ни была экономическая конъюнктура, она воздействует на рабочий класс усыпляюще или ведет к непропорционально малым изменениям его активности.

Не кажутся убедительными и аргументы о том, что на «старых» предприятиях до сих пор сохранились пережитки советского патернализма в отношениях между администрацией и рабочими. Эти пережитки если и имели место, то исчезли уже к началу 2000-х. Советский трудовой коллектив как некое подобие индустриальной общины за годы реформ перестал существовать, сменившись чисто капиталистическими методами эксплуатации.

Память о поражениях прошлого? Но весьма сомнительно, что в отсутствие сколько-нибудь влиятельных институтов рабочего движения, высокой текучести кадров на предприятиях и т.д. коллективная память о событиях конца 80-х и 90-х гг. могла бы сохраниться в сколько-нибудь конкретной форме.

Репрессии работодателей против «смутьянов»? Верно, что страх перед увольнениями является главным мотивом, удерживающим от вступления в профсоюз и участия в коллективных действиях. Однако сам этот гипертрофированный страх нуждается в объяснении. Даже сейчас, в условиях промышленного спада, потеря работы вовсе не является приговором. Рабочие многих предприятий охотно увольняются, когда администрация предлагает им незначительную компенсацию за добровольный уход с завода. Сокращения, как правило, не вызывают серьезных протестов. Частая перемена места работы вообще является нормой в промышленности, не говоря уже о сфере услуг. Что касается более серьезных санкций вроде полицейского преследования рабочих лидеров или физических нападений, то такие случаи сегодня довольно редки.

Лично мне представляется, что основным фактором, объясняющим «глухое смирение» является фактор идеологический. Вопреки представлениям «красных консерваторов», видящих в народных массах некий кладезь советской ментальности, крах советского проекта, по-видимому, фатальным образом повлиял на самосознание рабочих. Если верно, что в конце 80-х вынесенные из официальной идеологии представления об авангардной роли пролетариата стимулировали его протестную активность, то в 90-х и, особенно, 2000-х мы видим совершенно иную картину. В точном соответствии с неоконсервативными догмами, постсоветские трудящиеся упорно отвергают солидарный тип общественного поведения (даже когда он, очевидно, выгоден), предпочитая стратегии индивидуального выживания и приспособления. Возможность зарабатывать за счет переработок

(т.е. ценой полного физического и морального истощения), чтобы обеспечить себе и своей семье «достойный» уровень потребления является в руках работодателя, пожалуй, даже более эффективным инструментом контроля, чем страх наказания.

Рабочий класс как социальная группа никуда не исчез и не утратил значимости как потенциальный агент социальной революции, но рабочий класс как идентичность, общность, социальный субъект – пережил процесс беспрецедентного распада.

Глубокий пессимизм относительно возможности каких бы то ни было общественных перемен, недоверие к любым формам самоорганизации (за исключением семьи) и институтам (за исключением Власти, олицетворяемой фигурой Путина) в сочетании с атрофией критического мышления, обесцениванием любых принципов и убеждений, всеобщим конформизмом – все это свойственно рабочим не в большей и не меньшей мере, чем постсоветскому обществу в целом. Это и есть внутреннее содержание феномена глухого смирения.

Если это так, то вполне уместно поставить вопросы, которые, как я надеюсь, станут предметом серьезного обсуждения в левой среде:

Возможно ли «разбудить» рабочий класс, воздействуя на рабочих лишь методами профсоюзного органайзинга и делая ставку лишь на пропаганду синдикалистских идей? Является ли экономический протест предпосылкой политического или, наоборот, демократический протест может стать импульсом к рабочей самоорганизации (как это произошло в Перестройку и, отчасти, происходило в 90-е)? Имеет ли смысл противопоставление «общегражданского» и «классового» протеста? Какую позицию должны занять левые по отношению к консервативному популизму, воздействующему на рабочих? Лично я не могу уверенно утверждать, что знаю ответ хотя бы на один из этих вопросов.

[1] Б.И. Максимов, Рабочие в реформируемой России, с. 93

[2] Б.И. Максимов, Рабочие в реформируемой России, с. 24

[3] Б.И. Максимов, Рабочие в реформируемой России, с. 21

[4] Увеличение числа трудовых протестов в 2011-2012 годах (превышающая их количество в кризисном 2009-м) требует объяснения. Эти годы были временем относительного восстановления экономики. Новый спад промышленного производства последовал в 2013-2014 гг. По-видимому, трудовую сферу затронул общий рост социального недовольства, выразившийся в подъеме демократического движения, что противоречит распространенной концепции, противопоставляющей выступления «креативного класса» консерватизму «условного Уралвагонзавода».

[5] Б.И. Максимов, Рабочие в реформируемой России. С.225-227
20 мая 2014

ИНТЕРЕСЫ МОЕГО КЛАССА

Эту социальную группу называют по-разному, хотя и одинаково неудачно: в ретро-стиле – интеллигенцией, в духе времени – креативным классом или «офисным планктоном» (беловоротничковый эквивалент слова «быдло»).

Разночинцы XXI века

Обычно это потомки некогда многочисленного «советского среднего класса»: педагогов, инженеров, врачей, сотрудников всевозможных НИИ, музеев и т.д., получившие высшее образование и составляющих обширный слой т. наз. «новых бедных». От предшественников они унаследовали некоторые ценности и предрассудки, но не положение в обществе.

Их родители, как правило, работали по специальности, которую выбрали, в одной организации в течение многих лет, имели гарантированный заработок, различные социальные блага и ясные жизненные перспективы. Для большинства из них падение советской системы обернулось катастрофой, от которой мало кто смог до конца оправиться.

Когда закрылись заводы и НИИ, широкие массы перестали покупать книги и газеты, наука и культура уступили место суевериям и шоубизнесу, а разрушение институтов социального государства поставило постсоветскую пост-интеллигенцию на грань нищеты, наступила эпоха перепроизводства «мозгов», утечка которых за рубеж (какой бы массовой она ни была), все же не могла соответствовать «запросам» стремительно деградировавшего общества.

Потомки советских интеллигентов, так же занимаются умственным трудом, но на этом преемственность и заканчивается. Они редко работают по специальности – диплом о высшем образовании является скорее «символом образованности», а не подтверждением конкретных знаний и компетенций. Они все еще чувствуют некое атавистическое

превосходство над теми, кто трудится физически, тешат себя сознанием собственной «интеллигентности», но все это имеет мало общего с действительностью, где молодой преподаватель университета получает 15 тыс./мес., а его сверстник на заводе – 30-40 тыс., где научное знание больше не является господствующей формой мышления и условием социального успеха.

Догматические марксисты могут спорить о том, производит ли вузовский преподаватель или школьный учитель прибавочную стоимость, однако нельзя не признать, что по уровню достатка и месту в общественной иерархии они если и отличаются от рабочих, то лишь большей зависимостью от непосредственного начальства и государства. Если взять такую категорию наемных тружеников, как бюджетники, то их бесправие, выражающееся, в том числе в беззащитном использовании в политических целях, служит одним из важных условий стабильности правящего режима.

Положение бюджетников не отличается от жизненных реалий работников других государственных предприятий, вроде РЖД, «Почты России» или «Уралвагонзавода», где обычная капиталистическая эксплуатация сочетается с политическим контролем. Имущественное расслоение между рядовыми работниками и работодателями в бюджетной сфере ничуть не меньше, чем в промышленности. Если в 90-е гг. образование в целом страдало от недофинансирования, то в результате неолиберальных реформ появилась паразитическая «бюджетная» буржуазия: по данным, которые приводит «Коммерсант - Власть», ректор Дальневосточного федерального университета Сергей Иванец заработал в 2012 году 15,3 млн. рублей, в 82 раза больше старшего преподавателя, ректор Тамбовского госуниверситета Владислав Юрьев – 9,3 млн., ректор МИФИ Михаил Стриханов – 6,8 млн. По данным журнала The Economist, примерно такой же разрыв в доходах (88 раз) существует между рядовыми сотрудниками и генеральными директорами частных компаний в России.

В то же время, многочисленная категория пролетариев умственного труда, занятых в частном секторе, скорее, может быть причислена к прекариату, т.е. людям, работающим в условиях незащищенных, негарантированных, неустойчивых трудовых отношений (см., например статью Александра Назарова «Как я создал профсоюз программистов»).

Насколько глубок культурный раскол?

Журналисты, дизайнеры, фрилансеры, всевозможные офисные служащие отличаются от промышленных рабочих цветом воротничка, т.е. характером труда. Однако это отличие имеет важные последствия, не позволяющие просто занести всех наемных работников в графу «пролетариат», игнорируя специфические особенности каждой из групп трудящихся. Разделение труда на интеллектуальный и физический тесно связано с распределением власти и престижа в буржуазном обществе. Физический труд рассматривается как своего рода «проклятие», умственный - традиционно имеет привилегированный статус. Он (если не на практике, то в идеале) связан с управлением, идеологией, правящей элитой. Для получающего копейки преподавателя устройство на завод (даже если новая профессия не требует специальных знаний) является не просто переменной места работы, но разрывом со средой, образом жизни и привычной системой ценностей.

«Пролы» и «интели» разделены культурно. Причем эксплуатация этих различий является сегодня самым востребованным средством манипуляции в руках правящего класса. «Общество сегодня расколото, хотя и далеко не на равные части, на партию «креаклов» и партию «Уралвагонзавода», - пишет в «Известиях» писатель Виктор Топоров. Но так ли уж глубока пропасть, отделяющая условный (и по большей части - созданный госпропагандой) «Уралвагонзавод» от столь же проблематичного «креативного класса»?

В отличие от многих наций, в нашей стране интеллигенция никогда не являлась частью социальной элиты. Некото-

рые левые предпочитают называть участников «болотных» протестов представителями мелкой буржуазии. Однако согласно результатам опроса Левада-центра среди участников митинга на пр. Сахарова, 24 декабря 2011, у 21% из них не хватало денег на покупку телевизора или холодильника, а еще 40% не могли себе позволить купить авто. При этом 83% протестующих имели высшее, незаконченное высшее или два высших образования. Лишь 8% признались, что являются владельцами бизнеса и еще 17% - руководителями (из них 9% - мелкие менеджеры, имеющие до 10 подчиненных). Наибольшую долю - 46% - манифестантов составили «специалисты» (категория неопределенная, но явно отличная как от рабочих физического труда, так и от бизнесменов). Среди 25 фигурантов «Болотного дела» 7 - студенты, 5 - служащие (консультанты, юристы и т.п.), 3 - рабочие, 2 - научные сотрудники, 3 - безработные и пенсионеры, 3 - менеджеры и 1 - предприниматель.

Своеобразие современной России по сравнению с «нормальными» капиталистическими странами состоит в том, что элитарные притязания интеллектуалов здесь почти не имеют реальных оснований. Они не востребованы ни госаппаратом, формируемым по принципу кровнородственных и клановых связей, ни крупным бизнесом, который является по большей части паразитическим.

Культурные различия между пролетариями физического и умственного труда порождены не разным социальным происхождением или уровнем достатка, а скорее содержанием трудовой деятельности и отношением к господствующей идеологии. Первым сложнее осознать свои классовые интересы (отличные от групповых экономических интересов, таких как размер зарплаты или условия труда, с которыми их нередко путают). Рабочий получает идеологию в готовом виде, работник умственного труда участвует в ее выработке или в достаточной степени образован, чтобы воспринимать ее критически.

Рабочий может освободить свой разум через участие в профсоюзной борьбе. Сознание работника интеллектуальной сферы также определяется его социальным бытием, однако происходит это, как правило, иначе. Интеллектуал способен раньше придти к политическим обобщениям и действиям, хотя это, конечно, не гарантирует, что результаты такого самоопределения будут адекватны его объективным социальным интересам. Большое количество либералов среди нищих вузовских преподавателей или офисных клерков свидетельствует об этом не менее красноречиво, чем обилие националистов среди рабочих.

Есть ли у «креаклов» классовые интересы?

В чем же состоят классовые интересы пролетариев умственного труда?

Как и все трудящиеся они заинтересованы в расширении трудовых прав и социальных гарантий. Более непосредственно, чем рабочие они нуждаются в развитии социальной сферы, науки, и культуры: создании в этих секторах хорошо оплачиваемых рабочих мест, прогрессе отечественных технологий, повышении благосостояния и культурных запросов широких масс населения. Отсюда закономерно следует оппозиция неолиберальной модели: поддержка модернизации и индустриализации (без которых немислимо восстановление социальной сферы), протекционистских мер, перераспределения доходов в пользу бедного большинства населения. В конечном счете, речь идет об экспроприации сырьевой и финансовой олигархии и создании той или иной разновидности плановой экономики.

«Интеллектуальный пролетариат» прямо заинтересован в политической демократии: создании более прозрачной системы замещения общественных должностей («честные выборы»), уменьшении коррупции, реальной многопартийности, процветании профсоюзов, НКО, независимых СМИ. Чиновничество, силовики, а с некоторых пор и духовенство

являются естественными врагами как пролетаризированной интеллигенции, так и среднего класса. Отсюда – либеральные симпатии, объединяющие тех и других. Впрочем, этот романтический либерализм отличен от прагматичного экономического либерализма таких людей как Кудрин или Прохоров. Применительно к большинству «болотных» манифестантов можно, скорее, говорить о демократизме или либерализме в том особом смысле, в котором это слово употребляют в США. Думаю, фигуры Навального и Удальцова в качестве двух наиболее популярных лидеров протестов 2011-2012 гг. не являются случайными. Первый олицетворяет собой мелкобуржуазный фланг демократического движения, второй – ее более пролетаризированное, а значит и более радикальное крыло.

Нам нужен свой Таксим!

Демократическое движение не переросло в социальную революцию не потому, что оказалось недостаточно левым, и не потому что поддержавшие его слои общества были чем-то враждебным или инородным по отношению к рабочему классу. Основной причиной поражения стала относительная экономическая стабильность, в силу которой не произошло ни раскола элит, ни массового вовлечения в протестную активность рабочих физического труда. В этом, кстати, состоит главное отличие протестов на Болотной от событий на площади Таксим. Там гражданские выступления, поводом к которым стал незначительный инцидент с вырубкой парка, был немедленно поддержан боевыми профсоюзами DISK (объединяет индустриальных рабочих) и KESK (объединяет учителей и других госслужащих). Бастующие цеха пришли на помощь сражающимся улицам.

В России, как уже говорилось, этого не произошло. Наступившая вслед за протестным подъемом полоса реакции характеризуется последовательными попытками властей расколоть трудящихся по культурному признаку, натравить

провинцию на столицы, рабочих – на интеллигенцию, невежество - на просвещение. Задача левых состоит сегодня не в том, чтобы выбрать удобную сторону в этом – навязанном, внутренне фальшивом и реакционном – конфликте, а в том, чтобы найти формулу русского Таксима.

19 июня 2013

ПРОЛЫ И ХИПСТЕРЫ. ДВОЙНАЯ МИСТИФИКАЦИЯ

Массовые протесты уходящего года породили бурю сомнений и колебаний в российском левом движении. Приложив ухо к асфальту Болотной площади, многие из нас ожидали услышать «мерную поступь железных батальонов пролетариата». А когда батальоны не пришли, поспешили откреститься от мелкобуржуазных «хипстеров с айпадами», объявив демократические требования блажью бесящейся с жиру столичной публики.

Класс, которого еще нет

Удивительно, но в современном русском языке нет даже актуального самоназвания для наемных работников. Слово «рабочий», человек физического труда, скорее можно услышать из уст «гуманитария», чем заводчанина. Последний скажет о себе: «Я – слесарь, сварщик, водитель и т.п.» или «Я работаю там-то». Еще хуже дело обстоит с понятием «трудящийся», которым в лексиконе казенного марксизма-ленинизма когда-то было принято обозначать триединство рабочих, колхозного крестьянства и советской интеллигенции. Сегодня его содержание окончательно выхолощено - остался лишь ретро-официоз.

Парадокс нынешней эпохи - в том, что хотя в России сколько угодно слесарей, сварщиков, доярок, грузчиков, строителей, рабочего класса как идентичности, субкультуры, идеологического концепта – не существует. Банковский клерк, учитель, программист, журналист, дизайнер (являющиеся такими же эксплуатируемыми, как и промышленные рабочие) не осознают себя частью пролетариата. Точно так же работник автозавода отнюдь не ощущает себя собратом трудового мигранта, моющего пол в цехах того же предпри-

ятия. Какой контраст с Грецией, где в недавней всеобщей забастовке принимали участие даже судьи!

Я назвал эту ситуацию парадоксальной, но на самом деле она естественна для общества, где отсутствует то, что, согласно ортодоксальному марксизму, только и превращает пролетариев в класс «для себя» – традиция массовой борьбы угнетенных против капиталистической элиты. Наемный труд является порождением промышленной революции, но рабочий класс – детище социализма, продукт теоретического осмысления противоречий и борьбы внутри буржуазного общества.

Беспечность, с которой левые активисты оперируют термином «рабочий класс», пытаются вещать от имени этого несуществующего субъекта, свидетельствует о крайнем упадке марксистской мысли. Вместо того чтобы исследовать реальные противоречия и особенности жизни людей, принадлежащих к различным категориям наемных работников и на этой основе строить свою политику, эти левые продолжают пустые и вредные дебаты о «рабочизме» и «мелкобуржуазности».

Какой рабочизм нам НЕ нужен

Не так давно мне пришлось спорить с одним левым, который работает инженером на автозаводе. Будучи сам ИТР-ом, а не рабочим, он, однако, был весь преисполнен презрением к «троцкистам-гуманитариям», чьи неуклюжие попытки агитировать за создание профсоюза вызывают у трудящихся лишь недоверие. Впрочем, и сам он тоже не мог похвастаться какими-либо успехами на поприще профсоюзного органайзинга.

Спору нет, среди активистов левых движений сегодня мало хороших организаторов. Но если бы их было больше среди самих рабочих, гуманитариям вовсе не пришлось бы рыскать у проходных, уговаривая «массы» побороться за повышение их собственной зарплаты.

Нет никаких причин льстить рабочим, приписывая им мнимые добродетели. Профсоюзные активисты говорят об окружающей их разобщенности, карьеризме, инертности и трусости, в неравной борьбе с которыми обычно захлебываются инициативы по созданию профорганизаций. Дух коллективизма и взаимовыручки присущ работникам физического труда не в большей и не в меньшей мере, чем российскому обществу в целом. Редчайшие примеры успешных забастовок далеко не достаточны, чтобы говорить о тенденции. Они показывают, какими рабочие могут стать, преодолев косность мышления и пережив опыт солидарности.

Не являются промышленные рабочие и самой страдающей группой наемных тружеников. Конечно, условия труда и оплаты очень сильно разнятся в зависимости от предприятия, отрасли или местности. Однако если говорить об относительно современных производствах, то зарплата на них обычно не опускается ниже средней по региону. Так, при официальной средней зарплате в Питере – 34 тысячи рублей, рабочие автозавода «Форд» получают в среднем 37.800, «Ниссан» - 34.700, «Тойота» - 35.500 руб./мес., притом, что зарплата преподавателя философии в вузе – 15 тысяч рублей, а дворника-мигранта – 8-10 тысяч. Недавно на сайте профсоюза «Учитель» появилась карта зарплат педагогов по разным районам страны. Несмотря на то, что на волне предвыборных обещаний зарботки учителей в 2011-2012 гг. выросли, в большинстве регионов они по-прежнему варьируются в пределах 15-20 тысяч рублей. А ведь учителя считаются одной из главных опор правящего режима.

Разумеется, оценивая степень эксплуатации, надо учитывать не только размер зарплаты, но и характер труда, его тяжесть и последствия для здоровья. В этом смысле ситуация на промышленных предприятиях поистине ужасающая. Однако если сравнить жизненные условия рабочего автозавода с существованием, которое ведет какой-нибудь промоутер, мерзнувший у метро в костюме помидора, официантка в баре

или сотрудник call-центра, то еще неизвестно, кому из них по-настоящему «нечего терять».

Не подтверждает практика и миф о том, что работники физического труда особенно восприимчивы к социально-экономической проблематике, тогда как вопросы политические, гендерные или экологические для них совершенно неактуальны. Правда, что рабочие (в узком смысле слова) принимают незначительное участие в движении за политическую демократию. Но и профсоюзное движение, вроде бы, апеллирующее напрямую к «желудку», не может пока похвастаться бóльшими успехами. Логичнее предположить, что сравнительно низкий уровень образования и политической осведомленности рабочих делает их более консервативными, погруженными в быт и подверженными влиянию масс-медиа, сравнительно с теми, кто занят в интеллектуальном производстве.

Выступая против «пролетарского снобизма» (характерного не столько для рабочих, сколько для определенного круга левых), я, разумеется, вовсе не хочу подпитывать снобизм «интеллектуальный». Напротив, я считаю, что и тот, и другой являются лишь двумя сторонами одной медали. Например, мне кажется, что когда Борис Кагарлицкий отправляется в паломничество к проходным, желая показать пример «олиберализившимся» левым, это отчасти напоминает путешествие восторженного туриста к аборигенам. Приезжающий в экзотическую страну европеец ожидает увидеть туземцев, живущих в гармонии с природой, не развращенных цивилизацией и наделенных вековой мудростью. Но если бы он пожил с ними подольше, он обнаружил бы не дикость и не романтическую идиллию, а обычных людей, со всеми их достоинствами и недостатками.

Современный рабочий отнюдь не находится вне идеологии, его сознание – вовсе не «чистый лист». Как и все люди, он обладает своими взглядами на жизнь, переживает психологические проблемы, не в последнюю очередь связанные с гендером и сексуальностью. Его актуальные интересы со-

всем не обязательно связаны с заработной платой и ценами на картошку. Проблема в том, что мировоззрение рабочих в большинстве случаев формируется под влиянием реакционного интеллектуального ширпотреба, который для критически мыслящей аудитории давно превратился в аналог ковра на стене или шуток Петросяна.

Позиция вульгарных рабочистов, боящихся оскорбить чувства пролетариата обсуждением акции Pussy Riot, прав женщин или ЛГБТ, в конечном итоге, сводится к поддержке господствующего консервативного дискурса, порабощающего пролетариат.

Креатариат и его классовые интересы

Левые активисты и интеллектуалы почему-то убеждены, что совершить революцию они смогут, лишь опираясь на таинственного Другого. Они принесли бы куда больше пользы, если бы, поменьше комплексуя по поводу своей «непролетарскости», попытались открыть рабочих в себе самих.

Говоря о производителях интеллектуальных продуктов (я бы назвал их не «креативным классом», а креатариатом), нельзя не отметить, что их социальное бытие определяется теми же фундаментальными конфликтами, которые актуальны для всех наемных тружеников.

Отчуждение. Наемный труд по Марксу является отчужденным. Рабочий продает свою рабочую силу капиталисту, попадая в частичное рабство к собственнику средств производства. Время, отданное отупляющему, нетворческому труду на хозяина, фактически вычеркивается из жизни. Продукт труда не принадлежит производителю, так же, как и сам работник не принадлежит себе в процессе труда. Результатом становится духовная и физическая опустошенность, ведущая к разрушению личности.

Это так же справедливо применительно к журналисту, преподавателю или менеджеру по продажам, как и в отношении слесаря или сварщика. Более того, возможно, нигде

отчуждение не принимает столь резкие формы, как в сфере духовного производства. Если работник физического труда еще может сохранить некую психическую автономию от работодателя, то репортер, учитель или продавец вынуждены говорить голосом своего эксплуататора, полностью отождествить себя с ним или жить двойной жизнью.

Бесправие. Не так давно мне пришлось общаться с активистами профсоюза, возникшего на одном из петербургских телеканалов. Это были люди технических специальностей: операторы, осветители, гримеры. Когда я спросил у них, состоят ли в их профсоюзе журналисты, они ответили, что нет, т.к. последние гораздо больше рискуют быть уволенными. То же самое можно сказать о большинстве офисных служащих и других гордых обладателях диплома о высшем образовании. Моя хорошая знакомая, автор замечательных статей и книг по философии, рассказывала, что в институте, где она работает, действует строжайший дресс-код, малейшее отступление от которого может повлечь за собой увольнение преподавателя. И это еще не самый выразительный пример.

В отличие от промышленных рабочих, потенциальная мощь которых связана с наличием крупных трудовых коллективов, труд работников сферы услуг, как правило, индивидуализирован и децентрализован. Это мешает созданию эффективных профсоюзов, способствуя распространению таких практик трудовых отношений, при которых сама возможность апеллировать к Трудовому кодексу и легально отстаивать свои права становится нереальной.

Низкий социальный статус. Одним из наиболее кричащих противоречий жизни трудящихся непроизводственной сферы является конфликт между высокими притязаниями, связанными с уровнем образования и фактическим социальным положением. По сути, перед нами та же трагедия «лишних людей», которая привела в революцию образованных разночинцев XIX века. Известно, что лишь около половины выпускников вузов находят себе работу по специальности.

Наличие диплома давно уже не дает каких-либо гарантий и привилегий. Для многих молодых людей оно, скорее, является пропуском к прилавку Макдональдса.

Почему все-таки необходимо быть рабочистом

Выше мы отметили, что распыленность работников интеллектуального труда и сферы услуг создает серьезные препятствия для создания профсоюзов и отстаивания экономических интересов. Однако это вовсе не означает, что они не способны осознать свои интересы и играть важную роль в борьбе за социальную справедливость.

Образованные «новые бедные» объективно заинтересованы в социализме не меньше, чем индустриальные рабочие. Как на Западе, так и в Советском союзе массовая интеллигенция выросла на почве социальных завоеваний пролетариата, таких как развитая система образования и здравоохранения, передовая промышленность и наука, государственная политика, направленная на рост благосостояния и культурного уровня граждан.

Массовые выступления альтерглобалистов или сторонников Оссиру демонстрируют поразительный пример протестных мобилизаций, имеющих антинеолиберальную окраску и зародившихся вне традиционных структур рабочего движения. Характерная черта этих движений состоит в том, что, несмотря на свойственные им иллюзии, они носили непосредственно политический характер, так же, как и протесты за честные выборы в России.

Сила протестных движений, ядром которых становятся работники непромышленной сферы, состоит именно в том, в чем обычно проявляется слабость классического тред-юнионизма – они направлены непосредственно против государства, ставят радикальные цели, не замкнуты в рамках отдельных предприятий и отраслей. Однако у этих движений есть и ахиллесова пята – они не затрагивают нерв капиталистической экономики, реальное производство и

транспорт. Протестующие студенты или служащие могут затопить улицы мегаполисов, но парализовать город или страну всеобщей забастовкой способны только рабочие. Именно это, и только это, делает работу левых в рабочей среде необходимой и неизбежной.

16 февраля 2013

О «ХОМЯЧКАХ» И СПЕЦОВКАХ. ОТВЕТ СКЕПТИКАМ

Общественный подъем последних месяцев вызвал противоречивую реакцию со стороны российских левых, многие из которых демонстрируют недоверие и даже враждебность к развивающемуся движению.

Аргументация скептиков сводится к нескольким ключевым положениям. Во-первых, участие в протестах представителей буржуазного бомонда, ведущая роль либеральной оппозиции, отсутствие социальных лозунгов и т.п. дают повод характеризовать движение как «непролетарское» или даже антипролетарское. Во-вторых, буржуазной объявляется сама проблематика, связанная с выборами, ибо «не может быть честных выборов при капитализме». Соответственно, те левые, которые считают необходимым активное участие в общегражданском движении, объявляются оппортунистами, а обсуждаемая ими идея широкой партии - несвоевременной и вредной.

Подобные тенденции, с разной степенью интенсивности, демонстрируют представители самых различных течений леворадикального спектра: от ортодоксальных сталинистов из РКРП, противопоставляющих «норковым тусовкам» «наступление спецовок» до ново-левого публициста Александра Тарасова, не жалеющего презрительных эпитетов для участников протестов. «Вся эта публика – хипстеры и разные мальчишки-айфончики, жертвы потребительства и верные прихожане экономикса – по сути своей это мелкая буржуазия (пусть даже чисто психологически)», - пишет Тарасов*. Так же как традиционные «марксисты-ленинцы» не обнаружили на Болотной революционных рабочих в засаленных спецовках, «неомарксист» Тарасов не нашел там «новой интеллигенции», которая, по его давнему тезису, должна стать классом-гегемоном новой коммунистической революции. Ну, а поскольку протестующие массы не соответству-

* (http://scepsis.ru/library/id_3114.html)

ют представлению этих левых о том, какими они «должны быть» - не похожи ни на рабочих 1917, ни на студентов 1968-го – недовольные скопом зачисляются по ведомству мелкой буржуазии, что, разумеется, очень успокоительно. Раз ничего важного не происходит, то не надо пересматривать догмы, ломать дорогие сердцу схемы, отказываться от старых, по преимуществу ритуальных, форм деятельности...

Мне, однако, кажется, что отнюдь не «неправильные» массы делают «неправильное движение», а неправильные головы делают неправильный марксизм. И главная ошибка этих неправильных голов состоит в том, что они имеют совершенно превратное представление о классах и классовой борьбе.

Откуда берутся классы?

Тот факт, что в капиталистическом обществе большие группы людей противопоставлены друг другу как собственники и не-собственники, покупатели и продавцы рабочей силы, управляющие и исполнители, эксплуататоры и эксплуатируемые, словом – буржуа и пролетарии, отнюдь не значит, что эти объективные противоречия осознаются большинством трудящихся. Будь так, мы, вероятно, уже давно распрощались бы с капитализмом. Совсем напротив, поскольку буржуазная элита является господствующим классом, вся мощь ее ресурсов, власти и знания направлена на то, чтобы затушевать эти антагонизмы. Не дать угнетенному классу превратиться из класса-в-себе (социологической абстракции) в класс-для-себя, т.е. активную, сознающую и отстаивающую свои интересы, социальную силу. Таким образом, формирование пролетариата в класс есть, с одной стороны, результат борьбы трудящихся против различных форм угнетения, такой фазы этой борьбы, когда она принимает общенациональный размах и особенно острые формы, а с другой – итог идейного самоопределения борющихся масс. Самоопределения, которое сплачивает эксплуатируемых и выделяет их из общей массы недовольных.

Отдельные, разрозненные выступления трудящихся (в которых нет недостатка и сегодня) не есть еще классовая борьба. Таковой они стали бы только приобретя массовый характер и соответствующие формы организации. Однако говорить о рабочем классе в полном смысле этого слова можно было бы лишь в момент острейшего социального кризиса, когда частные интересы отдельных групп трудящихся отходят на задний план перед обнаженным антагонизмом труда и капитала.

Избавим читателя от множества цитат, удостоверяющих ортодоксальность этого толкования. Интересующихся отсылаю к двум полемическим статьям, где вопрос разбирается более подробно*

С марксистской точки зрения, очевидно, что революционные рабочие октября 1917 года, равно как и бунтующие студенты времен Красного мая были продуктом своеобразного и неповторимого исторического развития. Ждать самопроизвольной материализации этих призраков прошлого в настоящем мог бы разве что какой-нибудь поклонник мадам Блаватской. Марксист должен ставить вопрос иначе: как необходимо действовать в данный момент, в конкретных исторических обстоятельствах, чтобы способствовать классовой самоорганизации современных пролетариев?

Марксизм и демократическое движение

Место ли нам в рядах движения, позиционирующего себя как общегражданское и не идущее дальше требований политической демократии? Допустим даже на секунду (хотя это и не так), что в нем действительно участвуют одни только «офисные хомячки» и «норковые шубы». Поразительный пример «оппортунизма» в этом вопросе дает нам Энгельс. В статье «Маркс и Neue Rheinische Zeitung», он так вспоминает о деятельности первых немецких коммунистов во время

* <http://leftfront.ru/48E54398C28CD/4CCB02F3C5713.html>, <http://leftfront.ru/48E54398C28CD/4CE41AFED3C5E.html>.

революции 1848-1849 гг.: «Две-три сотни разрозненных членов Союза затерялись в огромной массе, внезапно пришедшей в движение. Немецкий пролетариат появился поэтому на политической сцене как самая крайняя демократическая партия. Это определило наше знамя, когда мы приступили к основанию в Германии большой газеты. Таким знаменем могло быть только знамя демократии, но демократии, выдвигавшей повсюду, по каждому отдельному случаю, свой специфический пролетарский характер, о чем она еще не могла раз навсегда написать на своем знамени. Если бы мы не пошли на это, если бы мы не захотели примкнуть к движению на его уже существовавшем, самом передовом, фактически пролетарском фланге и толкать его дальше вперед, то нам не оставалось бы ничего другого, как проповедовать коммунизм в каком-нибудь мелком захолустном листке и вместо большой партии действия основать маленькую секту».

Что интересно в данном пассаже Энгельса? Речь идет о преимущественно феодальной стране, в которой происходит буржуазная революция. В отличие от более передовых обществ, переживающих индустриальную революцию, массового промышленного пролетариата в Германии еще нет. Две-три сотни ремесленников и интеллигентов – вот и все, на что могут опереться молодые радикалы, решившие основать коммунистическую газету в Кельне. «Самый передовой, фактически пролетарский фланг движения» в этих условиях – нечто до крайности маргинальное. Бал правят умеренно-либеральные буржуа, опасливо косящиеся на соседнюю Францию, где рабочие уже представляют серьезную опасность. Тем не менее, Маркс и Энгельс считают возможным бороться за интересы несуществующего еще германского пролетариата. Они выступают как крайняя левая фракция демократического движения, чтобы добиться максимальной политической свободы для только нарождающегося рабочего движения. Они понимают, что буржуазные права нужны трудящимся, куда в больших дозах, чем самим буржуа, в конечном счете, готовым примириться с Бисмарком или Путиным.

В современной России массовый пролетариат, разумеется, существует. Однако на пути его классовой самоорганизации стоит масса преград, во многом аналогичных тем, которые существовали в Германии времен Маркса. Очевидно, что наличие или отсутствие свободы СМИ (даже в тех рамках, которыми она ограничена в буржуазно-демократических странах), свободы митингов, собраний, забастовок, независимых (опять же, даже в буржуазном смысле) судов, и, да-да, «честных выборов» - все это вовсе не безразлично с точки зрения интересов трудящихся и малоимущих, выразителями которых являются свободные профсоюзы, социальные движения и левые. Игнорировать эти общедемократические задачи мы могли бы, лишь имея за спиной реальные, а не призрачные легионы организованных рабочих.

Необходимость «широкой левой».

Ответ группе товарищей.

Значит ли вышесказанное, что, участвуя в движении «за честные выборы», марксисты могут ограничиться общедемократическими лозунгами, простой поддержкой либеральной оппозиции или системных «левых» партий? Конечно, нет. Мы должны критиковать непоследовательность, трусость и продажность буржуазных лидеров, как это делал Маркс в «Новой рейнской газете», выдвигать, в пикку всякого рода соглашателям радикально-демократические и неотделимые от них социальные требования, бороться внутри протестного движения против любых попыток его «приватизации» разномастными политиками. Однако все это будет лишь сотрясением воздуха, если уже сейчас не будут приняты реальные шаги к созданию независимой от Кремля политической силы, объединяющей все значимые фракции антикапиталистического движения, стоящие левее КПРФ.

Абстрактно, как благое пожелание, необходимость появления относительно крупной организации на радикально-левом поле признают сегодня многие, за исключением

разве что совсем замшелых сектантов. Ясно, что только такая организация могла бы стать центром притяжения для многих рядовых участников протестного движения, профсоюзных и социальных активистов. Только такая сила могла бы пробить информационную блокаду, проводить массовые мобилизации, успешно конкурируя с правыми и националистами. Наконец, тем или иным образом участвовать в реальной политике, точнее - расширять поле «реального» в политике. Делать революцию вопросом реальной политики.

На практике, однако, все разговоры об объединении левых до сих пор так и остаются разговорами или оборачиваются профанацией. Здесь не место разбирать причины этого. Остановлюсь лишь на доводах, высказанных некоторыми членами РСД, работающими непосредственно в рабочей среде и пользующимися заслуженным авторитетом в профдвижении. Поскольку они еще не сформулировали свои тезисы письменно, я позволю себе изложить их позицию своими словами. Аргументация товарищей сводится, вкратце к следующему:

1. Участие в «декабрьском» движении является для нас делом периферийным, поскольку оно практически не затрагивает рабочих, являясь протестом преимущественно столичной интеллигенции и среднего класса.

2. Усилия марксистов должны быть направлены, прежде всего, на организацию экономической борьбы на предприятиях и распространение социалистических идей среди профсоюзного актива.

3. Объединение левых, практически не имеющих «корней» на производстве будет лишь объединением ряда бессилей в одно общее бессилие и к тому же грозит скатыванием в оппортунизм и либеральное политиканство.

4. Рабочая партия должна органически вырастать из рабочего (профсоюзного) движения, набирая силы по мере роста последнего.

Скажу сразу, что я ни в коей мере не оспариваю той самоочевидной истины, что участие левых в строительстве но-

вого профдвижения и пропаганда социалистических идей среди рабочих является важнейшей частью процесса, который мы, вслед за Марксом, обозначаем как формирование пролетариата в класс. Возражения вызывает другое, а именно – противопоставление, пускай и важнейшего, элемента развития – целому. Абсолютизация одной из форм борьбы в ущерб другим. А также своего рода пролетарский снобизм, выражающийся в идеализации «спецовок».

Борьба трудящихся против буржуазии разворачивается в различных сферах, не только на заводе. С давлением капитала рядовой гражданин, а значит, в большинстве случаев, наемный труженик сталкивается повсеместно. Более того, в своей высшей форме классовая борьба протекает вне производства, на улицах и площадях, под политическими, а не профсоюзными, лозунгами. Однако выделение борьбы на рабочем месте среди прочих форм сопротивления, безусловно, имеет свои основания. Режим капиталистической фабрики, этого полицейского государства в миниатюре, демонстрирует взаимоотношения между классами в наиболее явной, неприкрытой форме. В этом смысле профсоюзная борьба действительно является наилучшей школой капитализма, а значит и коммунизма. Кроме того, крупные коллективы облегчают процесс самоорганизации рабочих, а стачка является более эффективным инструментом, в том числе и политической борьбы, чем любые демонстрации. Однако попытки провозгласить промышленных рабочих «солью земли», обладателями патента на революцию – не более чем проявление интеллигентского культа героев, не имеющее ничего общего с действительностью.

В самом деле, если сегодня на улицы выходит «офисный пролетариат», белые воротнички, рядовая интеллигенция, в то время как промышленные рабочие позволяют Путину разыгрывать из себя их заступника, то кого следует называть «хомячком»? Если первые уже доросли до политического протеста, пускай и мелкобуржуазного по духу, а вторые в массе своей не готовы защищать даже свои непосредствен-

ные экономические интересы, то, как ни сочувствуем мы «спецовкам», гордиться им пока нечем.

Пролетариат не сводится к промышленным рабочим. Его борьба не сводится к профсоюзной борьбе. Так же и процесс классовой самоорганизации может идти разными путями. Главное – не создавать противоречия там, где их в действительности нет. Если бы левым удалось усилить свои позиции в демократическом движении, создав в нем «самый передовой, фактически пролетарский фланг», привлечь под свои знамена тех, кто, лишь за неимением лучшего идет за подозрительными и несимпатичными либеральными вождями, голосует за «тех, а не за этих м...ков», это, несомненно, способствовало бы и активизации борьбы на производстве. Но для начала левые должны снять сектантские шоры с собственных глаз.

13 февраля 2012

«МЕНЬШИНСТВА» И
«БОЛЬШИНСТВА»

В ЗАЩИТУ БОЛЬШИНСТВ

Одним из самых ходовых приемов правой демагогии является противопоставление большинства и «меньшинств». Не удивительно, когда официальная пропаганда стремится представить общество в виде патриархального народа, чтящего «добротного царя» и враждебного ко всяческим отщепенцам. Но странно, когда подобная риторика звучит из уст левых.

Интервью с московскими анархистами Вентой и Павлом Стародубом, пару месяцев назад опубликованные на сайте <http://livasprava.info>, являются одним из многих примеров того, как активисты, именующие себя социалистами, коммунистами или анархистами, становятся жертвой реакционных софизмов. Мы сослались на данный текст не из-за достоинств изложенной в нем аргументации, а потому, что он является типичным изложением позиции, распространенной среди участников леворадикальных движений. Согласно ей антикапиталисты должны отказаться от защиты интересов «меньшинств» (к которым обычно относят ЛГБТ, женщин, мигрантов) и обратиться к Большинству, «настоящему», «почвенному» рабочему классу. Очевидно, за свое стремление «опроститься» сторонники подобных взглядов получили в активистской среде кличку «народников», а их оппоненты – «евролеваков».

Согласно «народникам», чтобы добиться благосклонности масс, левые обязаны проявлять толерантность не к особенностям меньшинств, а к предрассудкам «большинства». Более того, разделить эти предрассудки, что проявляется в постоянных обвинениях противников в буржуазности, либерализме, фашизме и прочих смертных грехах.

«Класс трудящихся на большинство и меньшинство по внеклассовым признакам делят прежде всего буржуазные идеологи. Социальные революционеры такими вещами не занимаемся, - поучает Стародуб, - Для социальных революционеров не существует женского пола отдельно от мужско-

го, для них не существует белой расы отдельно от черной расы, для них не существует различных этнических культур без тонких механизмов их взаимосвязи, взаимного обогащения и развития между ними. Люди сегодня реально разделены, прежде всего, в классовом смысле, т.е. в смысле экономических интересов. Есть интерес труда, который заключается в вольной ассоциации трудящихся для рационального познания и преобразования окружающего нас мира. Есть интерес капитала, который заключается в индивидуализме и субъективизме, в сосредоточенности на индивидуальных или групповых интересах, исключающих интересы других индивидуумов и групп. Социальные революционеры выступают за интерес труда против интереса капитала».

Итак, если феминистка посмела заговорить о специфических интересах женщин, ЛГБТ-активист – о дискриминации гомосексуалов, а представитель нетитульной нации – о расизме, на их головы сразу обрушивается молот вульгарно понятого классового подхода. Логика подобных построений проста: если основным противоречием капиталистической системы является классовый конфликт, то все прочие конфликты, лежащие вне сферы производственных отношений, должны считаться надуманными. А коли так, то любая артикуляция проблем «меньшинств» объективно служит расколу рабочего класса и может быть ничтоже сумняшеся приравнена к фашизму (ведь требование равноправия нетрудно истолковать как стремление к привилегиям, а оскорбление обывательских чувств – как раскол «единого рабочего фронта»).

На первый взгляд, подобная логика кажется если не убедительной, то, во всяком случае, очень ортодоксальной. Однако в действительности она не имеет ничего общего ни с марксизмом, ни с анархо-коммунизмом.

В реальной жизни мы имеем дело не с меньшинствами и большинством, не с социологическими абстракциями, а с людьми, существование которых является цельным и сложным. Людьми, каждый из которых в одно и тоже время является представителем класса, гендера, национальности, расы

или культурной традиции, угнетенным в одном отношении и привилегированным в другом.

Промышленный рабочий находится в угнетенном положении по отношению к менеджеру. Но, имея российское гражданство и славянскую внешность, он находится в привилегированном положении по отношению к трудовому мигранту. Будучи мужчиной, он избавлен от сексуальных домогательств и других специфических видов дискриминации, уготованных женщинам. Но при этом он может быть, например, гомосексуалом, что делает его изгоем в глазах консервативного «большинства».

С точки зрения «народников», такой рабочий, с одной стороны должен абстрагироваться от «буржуазных» переживаний по поводу своей сексуальности (т.е. смириться с дискриминацией), а с другой - может спокойно извлекать выгоду из своих привилегий (быть сексистом и шовинистом). Но при этом ему, как и женщине-работнице, как и работнику-неславянину, предписывается классовая солидарность, как будто последняя может быть достигнута посредством умолчания о различиях, а не их принятия или изживания.

За фразами о большинстве и меньшинстве спрятана одна единственная реальность – реальность господства и угнетения. Угнетенные – всегда меньшинство, а привилегированные – большинство. Ведь речь здесь идет не об арифметических, а о социальных отношениях.

Если бы левые поклонялись фетишам формальной демократии, они должны были бы примириться с тем фактом, что арифметическое большинство россиян на последних выборах поддержало Путина и, рассуждая последовательно, присоединиться к ОНФ или «ЕдРу» (что фактически и происходит с теми, чье хождение в народ, по сути, сводится к подражанию кургиянам и заигрыванию с национализмом).

Говоря о центральной роли классовых противоречий в буржуазном обществе, марксисты: а) отнюдь не сводят их к антагонизму работодателя и работника в сфере труда, б) не отрицают наличия в обществе иных конфликтов, не сво-

димых к классовому. Они лишь подчеркивают тот факт, что господство частной собственности и наемного труда накладывает отпечаток на все сферы существования человека, деформирует все отношения, усугубляет и препятствует лечению всех болезней социума.

Например, если на месте парка рядом с вашим домом собираются строить огромный торговый центр, причем согласия на это местных жителей никто не спрашивал, значит власть в городе распределена в пользу крупных компаний, что позволяет им игнорировать мнение рядовых горожан. Такое соотношение сил, очевидно, связано с неравным распределением ресурсов ergo классовым превосходством собственников над несобственниками. Но при этом нужно понимать, что ни национализация строительных компаний и торговых сетей, ни демократизация городского управления, скорее всего не снимут проблем, связанных с урбанизацией. Замена капитализма социализмом не приведет к автоматическому решению экологических проблем. Но она сделает возможной рациональную политику, направленную на их устранение.

Если мы имеем дело с ростом антимигрантских настроений, то марксистский анализ ситуации будет исходить из таких факторов, как империалистическое разделение труда (эксплуатация трудовых ресурсов беднейших стран), неолиберальная политика (отказ от защиты внутреннего рынка труда и перекладывание социальных последствий такой политики на общество) и национализм (стремление правящего класса направить протест в безопасное для себя русло). Было бы неверно сводить проблему расизма или преступности исключительно к экономическим факторам, но вряд ли кто-то из левых поставит под сомнение тезис о том, что борьба с ними невозможна без коренных изменений экономического порядка.

Аналогичным образом надо смотреть и на проблемы сексизма и гомофобии. Социалистические преобразования в области экономики, сами по себе, разумеется, не ведут к

разрешению гендерных конфликтов. Однако они, во-первых, будут способствовать росту культурного уровня широких масс населения (ослабление позиций церкви, прогресс в области образования, прекращение политики стравливания различных групп трудящихся между собой), а во-вторых – откроют путь политике позитивной дискриминации ранее угнетаемых слоев населения. Той самой политике, которая составляет лучшие страницы ранней советской истории, когда рабочие, крестьяне-бедняки, женщины и представители угнетенных национальностей получили привилегированный доступ к знаниям, престижным областям профессиональной деятельности и защиту от повседневных унижений. Политике, суть которой, задолго до появления современных представлений о политкорректности, была сформулирована Лениным:

«Почти всегда в исторической практике мы, националы большой нации, оказываемся виноватыми в бесконечном количестве насилия, и даже больше того — незаметно для себя совершаем бесконечное количество насилий и оскорблений, — стоит только припомнить... как у нас третируют инородцев, как поляка не называют иначе, как «полячишкой», как татарина не высмеивают иначе, как «князь», украинца иначе, как «хохол», грузина и других кавказских инородцев, — как «кавказский человек». Поэтому интернационализм со стороны угнетающей или так называемой «великой» нации... должен состоять не только в соблюдении формального равенства..., но и в таком неравенстве, которое возмещало бы со стороны нации угнетающей, нации большой, то неравенство, которое складывается в жизни фактически» (К вопросу о национальностях или «автономизации», 1922).

Поскольку левые выступают на стороне угнетенных против угнетателей, на стороне слабых против сильных, они борются за солидарность меньшинств против агрессивно-послушного большинства, постоянному воспроизводству которого служит капиталистическая система. На сме-

ну обществу раскола и изоляции должно прийти общество «большинств», в котором каждая социальная группа, не теряя собственной индивидуальности, могла бы чувствовать себя полноправной частью человеческого социума.

27 июля 2013

--

ВИЗОВЫЙ РЕЖИМ СО СТРАНАМИ СРЕДНЕЙ АЗИИ – РЕШЕНИЕ ИЛИ УХОД ОТ РЕШЕНИЙ?

Требование ввести визовый режим со странами Средней Азии часто повторяют люди, в целом далекие от национализма. Многим оно кажется наиболее разумным и наименее людоедским путем решения миграционных проблем. Но в действительности оно просто избавляет от необходимости думать...

Самым странным мне кажется тот факт, что громче всех о необходимости визового режима кричат люди, считающие себя борцами с нелегальной иммиграцией. Ведь очевидно же, что ужесточение правил въезда в страну сделает большую часть мигрантов нелегалами.

Но, может быть, необходимость тайно пересекать российскую границу остановит или хотя бы существенно уменьшит поток приезжих? Чтобы понять всю смехотворность подобного утверждения достаточно указать на тот факт, что защищенную «великой стеной», частично проходящую по безводной пустыне границу между Мексикой и США ежегодно, несмотря на огромный риск, преодолевает более миллиона мексиканцев и латиноамериканцев.

Протяженность мексикано-американской границы – 3141 км. Длина одной лишь российско-казахстанской границы – 7512,8 км. Большая ее часть проходит в безлюдных степях и пустынях. Как пишет Википедия, «демаркация границы имеет место лишь в местах пересечения её основными транспортными магистралями». Т.е. граница даже толком не проведена и не обозначена. Нужны ли еще комментарии?

Возможно, визовый режим отвечает каким-то глубоким геополитическим интересам России? В таком случае понимание этих интересов «русскими имперцами» как то уж слишком сильно отличается от реальных интересов реального российского капитализма, стремящегося удержать в сфере своего влияния республики бывшего СССР.

ОК! Давайте закроем эти границы! Но тогда придется закрыть их не только перед дешевой и бесправной рабочей силой из Узбекистана, но и перед газом, хлопком, золотом, медью, ураном и другими природными богатствами этой бедной и самой коррумпированной в мире страны.

По данным ЕврАзЭС, «Исходя из оценки стоимостного выражения узбекского экспорта, наиболее востребованы товары производителей Узбекистана в России: на долю этого северного соседа приходится более пятой части всего экспорта страны. Приблизительно десятая часть товарооборота - результат сотрудничества с Китаем».

Пусть «Русал» откажется от разработки залежей таджикского алюминия, а Кремль – от 201-й военной базы РФ на территории этой многострадальной республики. Пусть г-н Вексельберг продаст Кара-Балтинский горнорудный комбинат, добывающего киргизский уран (в целом на Россию приходится 19,2% экспорта Кыргызстана, вывозящего хлопок, табак; золото, ртуть, уран, сурьму и другие товары).

Мы, левые, считаем, что все богатства Средней Азии должны принадлежать ее народам, что позорная практика торговли людьми, на которой наживаются российские капиталисты и местные «баи» должна быть прекращена. Лозунг «Нелегальных людей не бывает», может и хорош, но только не тогда, когда речь идет о легальной работорговле.

Ограничение экспорта в Россию дешевых рабочих рук, вероятно, подорвало бы стабильность деспотических и коррумпированных среднеазиатских режимов, ослабило бы зависимость этих стран от России. Оно позволило бы защитить российский рынок труда, что в определенной мере улучшило бы положение российских трудящихся.

Однако никакие визовые режимы, концлагеря и показательные депортации не остановят приток обездоленных бедняков в российские мегаполисы, пока их каторжный труд остается экономически выгодным для российского бизнеса и бюрократии. Усиливая бесправие и забитость приезжих, подобные меры лишь делают эксплуатацию их труда более

прибыльной, а проблемы преступности, нищеты, этнической вражды – более острыми.

Проблема – не в присутствии на наших улицах людей из других стран, еще недавно – наших соотечественников. Проблема – в существовании огромного гетто нищеты, социальной уязвимости и бесправия, гетто, созданного руками российской элиты. В этом вонючем болоте пребывают не только мигранты, но и многие россияне. Задача состоит в том, чтобы осушить его.

Решение миграционных проблем лежит совершенно в ином поле, чем представляют Собянины и Навальные. Бороться нужно не с рабами, а с рабовладельцами. Работодатели, использующие труд мигрантов должны нести дополнительное налоговое бремя и социальные обязательства; чиновники, менты, расисты – все, кто наживается на эксплуатации иностранных работников – сурово наказываться, а государство – вести политику, направленную на интеграцию трудовых мигрантов в социум и борьбу с националистическими предрассудками.

Да, создание школ, больниц, общежитий для мигрантов, защита их трудовых прав, выглядели бы далеко не так эффективно и стоили бы гораздо дороже, чем постройка концлагерей. Но речь идет не о выборе между разными вариантами решений. Речь идет о выборе между решением и его отсутствием.

17 августа 2013

ЛОЖЬ В СТИЛЕ «ЭТНО»

В наше время не бывает просто событий – есть информационные поводы. Недавно в городе на Неве произошло «идеальное» преступление, а в нескольких других регионах – аналогичные, но совсем не резонансные. Как сообщили СМИ, 10 июля в Питере уроженец Узбекистана попытался изнасиловать трехлетнего мальчика...

Преступление сразу же получило широкую огласку. Националистическая общественность, вдохновленная событиями в Пугачеве, немедленно устроила «народный сход» с требованием выселить всех «чурок» из города.

21 июня в Иркутской области пьяный отец семейства на глазах малолетних сыновей изнасиловал свою семилетнюю дочь. 17 июля подобное преступление произошло в Плесецке, а 24 июля – в Астраханской области. Но, в отличие от Питера и Пугачева, известия об этих регулярно повторяющихся гнусностях почему то не вывели на улицы ни одного русского патриота и даже не вызвали сколько-нибудь заметных откликов в Интернете.

Почему? Ответ очевиден. Питерское происшествие «идеально», поскольку обвиняемый: а) азиат, б) педофил, в) «гомосексуалист». Хотя нет, не совсем идеально, ведь, судя по имеющейся информации, он не довел своего намерения до конца. Любой нравственно здоровый человек этому обстоятельству лишь порадуется. Но только не завсегдатай «народных сходов», сетующий, что на акцию собралось всего лишь 300 человек.

Попытка изнасилования ребенка в Питере хорошо подходит для целей националистической пропаганды. Оно спекулирует на чувстве естественного возмущения действиями маньяка и ловко переводит их в область идеологии. Почему мы не можем быть спокойны за безопасность наших детей? Потому что кругом бесчинствуют «понаехавшие». Убедительность подобному объяснению придают наглядные факты... определенным образом подобранные.

Зато другие, не менее красноречивые факты, говорящие о том, что куда чаще опасность для ребенка представляет не «черный человек с улицы», а собственные родители, замалчиваются. Люди, устраивающие митинги против геев, «чурок» или абортотворцев приходят в неистовство, если при них в положительном контексте упомянуть ювенальную юстицию. Хотя очевидно, что, например, закон об охранных ордерах, запрещающий домашнему насильнику приближаться к жертве избиения в течение определенного срока, мог бы спасти немало жизней. Трудно себе представить, что пьяный глава семейства, изнасиловавший свою семилетнюю дочь, до этого был примерным отцом и мужем. Скорее всего, до момента трагедии было немало случаев рукоприкладства. Если бы не противодействие традиционалистов, с пеной у рта отстаивающих «священный домашний очаг», извращенцев можно было бы остановить.

Но вернемся к «этнопреступности» и тенденциозному отбору фактов. Судя по тому, как настойчиво и власти, и оппозиция всех оттенков муссируют тему миграции, можно подумать, что иностранцы и впрямь совершают большинство преступлений в нашей стране. Однако по статистике МВД в январе-декабре 2012 года иностранными гражданами на территории России совершено 42,7 тыс. преступлений. Всего в 2012 году было зарегистрировано 2302,2 тыс. преступлений, из которых не раскрыто 1014,7 тыс. Таким образом, на долю мигрантов приходится около 3% раскрытых преступлений.

Но когда каждый преступник, не принадлежащий к русскому этносу, тщательно маркирован как «узбек», «таджик», «дагестанец» и т.п., когда каждое происшествие с участием «нерусских» неизменно подается как аргумент националистической пропаганды и настойчиво пиарится, проблема преступности предстает перед обывателем в совершенно искаженном свете.

Конечно, достоверность официальной статистики весьма сомнительна и зависит от политической конъюнктуры. Чиновники МВД неоднократно делали громкие заявления о

высокой доле тяжких преступлений, совершенных приезжими. Например, в 2011 году начальник главного следственного управления СК по Москве Вадим Яковенко утверждал, что «каждое седьмое убийство и каждое третье изнасилование в 2011 году совершено иностранцами, в основном приезжими из бывших союзных республик». В том же году прокурор Москвы Юрий Семин заявлял, что иностранцы в столице совершают каждое третье убийство, а его преемник Сергей Куденев в интервью «Российской газете» говорил о «каждом пятом убийстве и каждом втором изнасиловании». В то же время глава ФМС Константин Ромодановский опровергал эти данные.

Как видим, отношение к фактам у больших начальников, по меньшей мере, небрежное. «Официальная статистика преступности среди иностранцев зависит и от текущей геополитической ситуации, - отмечала по этому поводу Русская служба ВВС, - Например, во время конфликта между Москвой и Тбилиси российские правоохранители сообщали о росте преступности среди выходцев из Грузии, а во время скандала с осуждением в Таджикистане российского летчика вдруг выяснилось, что чаще других нарушают закон уроженцы именно этой горной страны».

Россияне обоснованно не доверяют правоохранительной системе, официальным данным и СМИ. Поэтому когда говорят о статистике преступлений, совершенных приезжими, предполагается, что она занижена. Однако куда логичнее было бы заключить обратное, ведь риторика российских властей направлена на то, чтобы переложить ответственность за все плохое, что происходит в стране на зловещие внешние силы. Народ постоянно убеждают, что «жить стало лучше, жить стало веселей», а чудовищная преступность в эту бодрую картину мира явно не вписывается. Закономерно предположение, что так же как рост протестных настроений приписывается козням Госдепа, ухудшение криминальной ситуации власти сваливают на мигрантов.

Все мы знаем, что коррупция и непрофессионализм являются визитной карточкой российских полицейских. Но тогда откуда такая доверчивость, когда речь заходит о т. наз. этнопреступности? Учитывая расизм, процветающий в силовых структурах, вполне правдоподобно допущение, что во многих случаях мигранты (особенно те из них, кто не может откупиться) становятся жертвой произвола. Но когда общество живет по законам Линча, правосудие мало кого интересует. В таких условиях возможность отчитаться о раскрытии очередного убийства, выбив показания из первого попавшегося таджика кажется уж очень привлекательной...

Впрочем, даже если предположить что статистика и начальники не врут или врут не слишком нагло (в любом случае, приезжие, разумеется, не ангелы), миф об этнопреступности все равно играет реакционную роль. Шумиха по поводу злых кавказцев и азиатов полностью блокирует обсуждение любых вопросов, связанных с социальными причинами преступлений и социальной политикой, необходимой для их предотвращения. Если поверить заявлению г-на Яковенко о «каждом третьем изнасиловании», то все равно остается вопрос: «а как быть с остальными 2/3?». А главное, чем отличается изнасилование, совершенное азиатом от «славянского» изнасилования? Почему вообще нужно делить преступления на «этно-» (когда речь идет о представителях неславянских народов) и «не-этно» (как будто, насильник-русский не имеет национальных черт)?

Политически антииммигрантская истерия играет на руку властям. Конечно, на ней пытаются играть и всевозможная оппозиция, соревнующаяся с режимом в ксенофобии. Но, в отличие от какого-нибудь Навального, власть всегда имеет возможность продемонстрировать обывателю «реальные дела» вроде последних массовых зачисток на московских рынках и устройства фильтрационного лагеря для нелегалов в Гольяново. Националистические страсти укрепляют полицейское государство. Раз можно устроить облаву и отправить тысячи людей в лагерь, то почему нельзя поступить

так же с участниками разогнанного митинга (скажем, под предлогом проверки на предмет участия в экстремистской деятельности)?

События в Пугачеве в очередной раз показали, что к уроженцам Чечни или Дагестана в европейской России относятся как к иностранцам. Действительно, требование выселить всех приезжих из Псковской области из Питера или Ярославской – из Москвы из-за того, что кто-то из них кого-то прирезал, было бы воспринято как странное. Так не пора ли русским нацикам и поддерживающим их обывателям объединиться с ваххабитами и общими усилиями развалить-таки матушку Россию?

Но еще более опасным, чем все перечисленное, мне кажется полнейшая девальвация нравственных ценностей. Ведь когда протест против совершенного злодеяния отравлен национализмом, никого больше не волнуют страдания жертвы или поиск рациональных решений. Все поглощает ненависть к «иным». Преступление становится лишь предлогом для проявления этой ненависти. Своего рода наркотиком, который нужно принимать постоянно, чтобы держать себя в тонусе.

03 августа 2013

ЛЕВЫЙ ОТВЕТ НА МИГРАЦИОННЫЙ ВОПРОС

Тема миграции не часто поднимается российскими марксистами. Когда же очередной взрыв антииммигрантских страстей ставит этот вопрос в повестку дня, левые, как правило, ограничиваются общими декларациями в духе интернационализма и гуманизма.

Между тем, простого опровержения ксенофобных мифов или констатации той очевидной истины, что проблемы, связанные с миграцией являются порождением капитализма явно недостаточно для противодействия националистической пропаганде и предрассудкам. Необходима программа, противостоящая как ультраправым, так и неолиберальным «решениям» миграционного вопроса.

Разделяй и властвуй: ксенофобия и трудовой демпинг

Культивирование ксенофобии в среде трудящихся – одна из древнейших и эффективнейших стратегий угнетателей. Как она действует, легко показать на небольшом примере из профсоюзной практики. Южнокорейская корпорация, производящая автокомплектующие, построила завод в депрессивном районе, страдающем от разрухи и безработицы. Столкнувшись со сверхэксплуатацией, нарушением элементарных трудовых прав и хамским отношением иностранных и российских менеджеров, рабочие решили объединиться в профсоюз. Действуя запугиванием и репрессиями, руководство компании подавило попытку самоорганизации, сократив число профсоюзников до изолированной горстки активистов. При этом одним из главных средств устрашения служила угроза массовых увольнений и найма «гастарбайтеров».

Не довольствуясь словесными угрозами, администрация завода начала реализовывать их на практике. За несколько месяцев количество рабочих-мигрантов из Средней Азии выросло на производстве в несколько раз, в то время как прием местных жителей практически прекратился. Как в коллективе, так и в городе стала нарастать неприязнь по отношению к приезжим.

Корни этой неприязни понятны. «Гастарбайтеры» воспринимаются рабочими как нежелательные конкуренты на рынке труда. Полностью зависимые от работодателя, купленных им представителей власти, мигранты готовы работать за более низкую плату, вкалывать от зари до зари, по выходным и праздникам. Неприхотливость выходцев из сельских районов Средней Азии, где ликвидация крупных хозяйств и деиндустриализация привели к поистине чудовищной нищете, делает их идеальным объектом эксплуатации.

Ощущая социальное превосходство над «равшанами и джамшутами», местные также чувствуют всю зыбкость этого превосходства. А поскольку страх потерять работу, отсутствие успешного опыта коллективных действий, неверие в собственные силы мешают им выступить против работодателя, гнев обращается против тех, кто еще более забит и бесправен.

К этому присовокупляются и другие факторы – культурные. Так, антисанитарные условия, в которых – отчасти, по вине работодателей, отчасти в силу вынесенных с родины привычек – находятся мигранты, часто вызывают брезгливость по отношению к ним со стороны россиян. Например, на том предприятии, о котором только что шла речь, местные работники требуют отдельной посуды для мигрантов, питающихся в заводской столовой, опасаясь заразиться гепатитом и другими опасными болезнями. Раздражение вызывает и низкая квалификация приезжих – за брак, отставание от плана расплачиваются все. Языковой барьер, как и обособленность групп «гастарбайтеров», так же не способствуют сближению.

Возможна ли солидарность?

Классический левый ответ на вызовы трудовой миграции состоит в том, что трудящиеся-граждане и мигранты должны сообща бороться против эксплуатации, требуя равных

прав, оплаты и условий труда. Подход этот принципиально верен. Никакие полицейские меры, никакие квоты на привлечение иностранной рабочей силы (которые лишь увеличивают долю нелегалов) и, разумеется, никакой националистический террор не способны пресечь работоторговлю, коль скоро сохраняется спрос на дешевую и бесправную рабочую силу. Наоборот, чем более забитыми, изолированными от остального общества являются иностранцы, тем выгоднее их труд российскому и транснациональному капиталу.

Однако простого пожелания солидарности трудящихся вне зависимости от страны происхождения явно недостаточно для того, чтобы эту солидарность осуществить. Очевидно, что на пути протестной самоорганизации мигрантов, их вовлечения в рабочее движение стоит множество труднопреодолимых препятствий – как объективных, так и субъективных. Прежде всего, это слабость борющихся профсоюзов, пока еще не охвативших даже сколько-нибудь заметные слои сравнительно высокооплачиваемых и квалифицированных рабочих современных производств. Находящиеся в гораздо более уязвимом положении категории: работники депрессивных предприятий и сферы услуг, заемники и мигранты, вероятно, смогут примкнуть к организованному движению лишь после того, как более передовые страты рабочего класса покажут им примеры успешной борьбы и обретут силу, достаточную, чтобы защитить слабейших. Впрочем, какой бы безнадежной ни казалась задача профсоюзной агитации среди «гастарбайтеров» на предприятиях со смешанным составом рабочих, вести ее необходимо. Не вовлекая в свои ряды заемников и мигрантов, боевые профсоюзы обречены пребывать под перманентной угрозой, сдерживающей, а то и полностью пресекающей их развитие.

Вышесказанное, однако, вовсе не значит, что мигранты, представляющие наиболее угнетенную часть рабочего класса, не способны к самостоятельному сопротивлению и должны рассматриваться исключительно как «штрейкбрехеры» или ведомые. Достаточно вспомнить героическую

забастовку 2005 года на «Дон-строе» в Москве или другие, менее известные стачки строительных рабочих в Екатеринбурге (2008) и на острове Русский в Приморском крае (2011). Во многом эти события напоминают протесты, характерные для 90-х гг. Во всех перечисленных случаях причиной остановки работ стала невыплата зарплаты. Стачки вспыхивали стихийно (вероятно, за исключением «Дон-строая», где вели работу активисты Революционной Рабочей Партии) и не привели к возникновению каких-либо устойчивых форм организации. По всей видимости, если протесты рабочих-мигрантов будут иметь место, то в форме спорадических радикальных вспышек, которые могут воздействовать на политику властей, но вряд ли окажут существенное влияние на развитие рабочего движения в России.

Однако организация трудящихся-мигрантов на производстве не является единственно возможной формой борьбы. Проблемы, связанные с миграцией, волнуют широкие слои населения России. Тот факт, что эта «поляна» сегодня целиком занята ультраправыми, должен не отпугивать левых, а побуждать их к выдвижению альтернативной программы решения миграционного вопроса. Ксенофобной риторике Движения против нелегальной иммиграции необходимо противопоставить позицию, которую можно было бы охарактеризовать как новый аболиционизм – движение против рабства.

Новый аболиционизм.

Наброски к программе левых

Излюбленным «антифашистским» аргументом либералов является указание на то, что мигранты полезны и необходимы для выполнения «черной», непрестижной работы, на которую не согласится ни один москвич или петербуржец. Сам факт существования целого сектора трудовых отношений, где царят рабство и нищета, запредельные даже для привычных ко всему россиянам, протеста не вызывает. К «равшанам и джамшутам» призывают относиться терпимо, но не более того.

В действительности для существования обширной области, по сути, рабского труда нет никаких объективных оснований, кроме жадности корпораций, эксплуатирующих дешевые людские ресурсы периферии бывшего СССР. Сверхприбыли, загребаемые тесно связанным с властной верхушкой строительным бизнесом вряд ли нуждаются в подчеркивании. Однако эксплуатация труда мигрантов получила наибольшее распространение именно в строительной индустрии. Аналогичная ситуация наблюдается и на новых промышленных предприятиях, принадлежащих ТНК. Так, по данным Межрегионального Профсоюза Работников Автопрома (МПРА), на ряде предприятий-поставщиков, входящих в систему «Хендэ» количество рабочих-мигрантов на производстве составляет 70-80%. И это притом, что в 2011 году эта корейская корпорация вышла на первое место среди иностранных автопроизводителей в России по числу проданных автомобилей.

Когда популисты из ДПНИ предлагают «ввести визовый режим и охраняемые границы с государствами Средней Азии и Закавказья», они, разумеется, «забывают» о том, что депрессивные районы с огромным уровнем безработицы имеются и на территории самой России – достаточно вспомнить о российской глубинке, не говоря уже о регионах Северного Кавказа. По данным «Независимой газеты», «В последние 20 лет население стягивается в Центральный федеральный округ, прежде всего - в столичный регион, миграционный прирост на 70-80% складывается за счет притока населения из других регионов страны, в первую очередь из самого Центрального округа». При этом положение «русских гастарбайтеров» зачастую не лучше, чем у их собратьев из Средней Азии, как показывает получившая скандальную известность история работниц шоколадного концерна «Бабаевский». Таким образом, рецепт, предлагаемый ультраправыми, состоит не в искоренении нищеты и преступности, а в их русификации.

Столь же бесполезной является и система квотирования. На практике она ведет лишь к увеличению доли нелегалов, что наглядно продемонстрировала ситуация 2008 года, когда резкое сокращение квот в одночасье вывело из правового поля тысячи иностранцев. Как справедливо отмечает ведущий научный сотрудник Института демографии НИУ-ВШЭ Никита Мкртчян, «Квотирование... не выполняет ни одной из функций, на него возложенных. Оно не защищает национальный рынок труда, потому что все те, кто не вписываются в квоту, пополняют ряды нелегалов — самой бесправной, низкооплачиваемой, а, следовательно, самой привлекательной для бизнеса рабочей силы, де-факто присутствующей на рынке... Иностранцев работников нужно столько, сколько их на рынке присутствует, если суммировать легальный и нелегальный сегмент. Большинство трудовых мигрантов едут на готовое рабочее место, по предварительной договоренности с работодателем или его посредником — «бригадиром». Мало таких, кто будет покупать дорогой билет, например, из Таджикистана, собирать по родственникам деньги без уверенности в том, что он найдет работу». Однако и продвигаемая ФМС в пику Минздравсоцразвития отмена квотирования вряд ли приведет к каким-либо существенным переменам. Фактически эта мера – закрепление статус-кво, констатация бесполезности прежней системы. «Легализованные» или нет, мигранты останутся рабами до тех пор, пока рабство будет востребовано.

Что касается мер полицейского контроля над мигрантами, которые усиленно пропагандируют фашисты, то их бесполезность в отсутствие внятной политики, направленной на искоренение социальных причин криминала, доказывается всей историей полиции. Пьянство, наркомания, воровство, изнасилования, убийства – все эти хорошо знакомые «прелести» процветают в любом нищем социуме и безо всяких мигрантов. Вливаясь в этот социум, приезжие, разумеется, не в состоянии избежать его пороков. Впрочем, согласно данным ФМС доля иностранцев в криминальной статистике

невелика – всего 3,5% от общего числа преступлений. При этом, что численность самих мигрантов составляет в России 7-12 млн. чел., т.е. 5-8% населения. Миф об ужасных, криминальных гастарбайтерах выгоден, прежде всего, нашим действительно ужасным и криминальным правоохранителям, имитирующим бурную деятельность, собирая дань с бессловесных узбеков и крышуя капиталистов-рабовладельцев, применяющих труд нелегалов.

В общественных дискуссиях о миграции левые должны вести речь не о порочных таджиках, узбеках, молдаванах или китайцах, а об огромном скоплении работающих или безработных бедняков. Очевидно, что, не уничтожив этот громадный остров унижения и нищеты, нельзя всерьез говорить о борьбе с проблемами, порождаемыми миграцией. Это означает – полный запрет заемного труда и прочих форм нестандартной занятости; повышение минимальной заработной платы до реального прожиточного минимума (во всяком случае, не меньше 15-20 тыс. руб. в зависимости от региона) с обязательством ее ежегодной индексации.

Борьба с нелегальной занятостью, разумеется, необходима. Но это должна быть борьба не с гастарбайтерами, которые в данной ситуации являются жертвами преступления, а с предпринимателями-рабовладельцами. В настоящее время наказания для работодателей, эксплуатирующих труд нелегалов – смехотворны, чего не скажешь о самих мигрантах. Вот типичная история: по результатам проверки петербургской прокуратуры компания «ЛенСпецСМУ – Комфорт», занимавшаяся строительством электростанции, оштрафована на 825 тыс. руб. за использование 47 нелегальных рабочих. Т.е. за каждого фактического раба фирма уплатила 17.5 тыс. руб. При этом сообщается, что мигранты были привлечены к административной ответственности по ст. 18.10 КоАП РФ, предусматривающей штраф от 2 до 5 тыс. руб. с возможным выдворением за пределы РФ. Однако сами же официальные лица признают, что большинство мигрантов становятся нелегалами не по своей вине. «Не все хотят, чтобы мигранты

были видны в силу каких-то причин, например, если работодатель сам не участвовал в квоте или просто ему невыгодно это делать», – заявил в 2009 году пресс-секретарь ФМС г-н Полторанин, тогда еще не уволенный из ведомства за неумную заботу о «будущем белой расы» и «смешении кровей в правильном режиме».

Штрафовать и высылать нелегалов – то же самое, что карать человека, пострадавшего от мошенничества. Стоит ли после этого удивляться, что подавляющее большинство работодателей, применяющих нелегальный труд, остаются безнаказанными? Ведь, в отличие от рабочих-граждан, довольно активно обращающихся в суды и трудовые инспекции, трудящиеся-мигранты жаловаться никуда не пойдут. А с полицией и чиновниками работодатель всегда сможет договориться.

Очевидная истина состоит в том, что если человек работает, принося пользу обществу, он должен находиться в человеческих условиях, под защитой одинакового для всех трудящихся трудового права. Если же трудовые права нарушаются, отвечать за это обязан работодатель, и никто иной. Вместо того чтобы устраивать облавы на нелегалов, содержать их в спецприемниках и, либо высылать из страны за общественный счет, либо отпускать, пополняя армию бомжей, государство должно принудить собственника восстановить нарушенные права рабочих: обеспечить их трудовым договором, нормальным жильем, медицинской страховкой, пенсией и безопасными условиями труда.

Тем трудящимся, которые сегодня, вторя националистической пропаганде, обвиняют приезжих в отъеме рабочих мест у россиян, мы отвечаем: единственный способ ограничить приток мигрантов – поставить всех рабочих, независимо от гражданства, в абсолютно равные условия. Рабочие места отнимают не узбеки или таджики, а наживающиеся за их и наш счет капиталисты и бюрократы.

Миграцию – на службу обществу!

Тем фактом, что российские мегаполисы превратились в типичные центры третьего мира, где ужасающая нищета соседствует с азиатской роскошью, мы обязаны развалом СССР с его плановой экономикой и развитой социальной инфраструктурой. Миграция населения из периферийных районов в места концентрации крупной промышленности, из деревни в город, существовала всегда. И никогда она не принимала столь громадных масштабов, как в XX веке. Однако миллионы крестьян, от которых происходит подавляющее большинство сегодняшних городских жителей, не просто мигрировали в города – они впитывались растущей индустрией, так или иначе приобщались к городской культуре, образованию и прочим благам цивилизации. Какими бы ужасами ни сопровождалась сталинская индустриализация, в те годы распределение трудовых ресурсов происходило не стихийно, а планомерно. Осваивались новые территории, строились новые города и промышленные гиганты. Вчерашний крестьянин или житель бывших имперских окраин имел возможность получить знания и квалификацию, продвинуться по карьерной лестнице...

Сегодня, разумеется, все иначе. «Даже при наличии политической воли и экономических возможностей, - приводит экспертное мнение «Независимая газета», - ... отсутствуют какие-либо ориентиры, и вся «политика» в данной области сводится к ритуальным заклинаниям... Формирование полюсов роста в восточных регионах страны в обозримой перспективе связано почти исключительно с крупными проектами по освоению минерального сырья. Однако они не требуют привлечения большого числа специалистов и могут осуществляться вахтовым методом, поэтому рассчитывать на заинтересованность бизнеса также не приходится».

В Концепции демографического развития города Москвы (2005) звучат панические ноты: «Пустеет Центральная Россия: население одноименного федерального округа без

Москвы и Московской области сократилось на 1,5 млн. человек... При такой направленности демографических тенденций рост населения города Москвы за счет миграционной компоненты будет способствовать дальнейшему уменьшению численности населения территорий, в том числе и важных в геополитическом отношении».

Новый российский капитализм, возникший на развалинах советской индустрии, предъявляет спрос не столько на квалифицированных специалистов, сколько на покорные воле хозяина руки и спины. Остановить переполнение мегаполисов нищими и полуничими людьми, питающих армию чернорабочих, безработных и деклассированных элементов можно лишь развивая экономику регионов. Необходима политика, направленная на реиндустриализацию страны, внедрение интеллектуализированных форм труда, возрождение сельского хозяйства, создание условий для переселения трудящихся из депрессивных районов в новые промышленные центры. Иными словами, переход к социалистическому плановому хозяйству. Лишь в этом случае миграция из гноящейся социальной язвы превратится в мощный рычаг прогрессивного развития страны.

БОЛЬШИНСТВО ДОЛЖНО «ВЫЙТИ ИЗ ШКАФА»

У активистов ЛГБТ-движения есть удивительно точное выражение: «выйти из шкафа». Когда официозные и, к сожалению, некоторые левые публицисты говорят о «большинстве», мне представляется именно такой, огромный и наглухо закрытый шкаф.

На днях произошли события, которые, на мой взгляд, касаются не только ЛГБТ, но и затрагивают куда более общие темы, связанные с механизмами социального угнетения. Одно из них – разгон православными «дружинниками» и полицией проходившего в Москве кинопоказа, посвященного «детям 404» (так называют подростков, подвергающихся насилию в связи с их гомосексуальностью). Другое – сделанная по заказу властей и опубликованная на сайте СПбГУ экспертиза, отказывающая ЛГБТ в статусе социальной группы.

Эпизоды, по нынешним меркам, рядовые. Однако, именно поэтому – очень показательные. Нет, гомосексуальных людей (пока?) не побивают камнями, не сжигают в печах и не сажают в тюрьмы. Их методично вытесняют обратно в зону невидимости, в гетто. Давлению со стороны государства подвергаются не геи и лесбиянки «вообще», а малочисленное сообщество ЛГБТ-активистов. В «экспертизе», о которой шла речь, утверждается, что «ЛГБТ-сообщество» – это не социальная страта, как, например «предприниматели» или «русские», а общественное движение, отождествляемое с конкретными НКО. Но подавление «тех, кто высовывается», в конечном счете, ведет к увековечению повседневного угнетения, которое испытывают те, кто «ведет себя тихо» (хотя последним нередко пытаются внушить, что именно от «буйных» исходят все их беды).

В случае с давлением на ЛГБТ мы имеем дело с универсальной матрицей угнетения, включающей в себя социальную изоляцию ущемленной группы, репрессии против ее активных представителей, отрицание ее субъектности, мар-

кировку протестующих как «маргинального меньшинства» и, в конечном итоге, приведение угнетенных в положение «невидимок».

Точно так же система действует, например, в отношении мигрантов. Они полностью удовлетворяют потребностям эксплуататорского общества, оставаясь незаметными трудолюбивыми муравьями, выполняющими «грязную» работу в рабских условиях. Теми, кто не жалуется и, тем более, не протестует; чье присутствие терпят ровно до того момента, когда происходит coming out, «выход из шкафа». В случае с мигрантами это может быть демонстрация национальных традиций (вспомним националистические истерики по поводу курбан-байрама), преступление или даже просто разговор на родном языке в общественном месте.

А как насчет рабочих коренной национальности? Формально, на уровне госидеологии, принадлежность к «людям труда» является почетной. Именно к трудящемуся большинству, «простым людям», на которых «держится страна», апеллирует государственная пропаганда. Но в действительности люди, которым расточают дежурные комплименты, являются такими же невидимками. Темы нарушения трудовых прав, производственного травматизма, профсоюзной борьбы, да и просто повседневной жизни рядовых трудящихся являются не менее маргинальными, чем проблемы «детей 404». Они находятся на крайней периферии внимания «больших» СМИ, политиков и правительства. «Буйное» меньшинство, активисты свободных профсоюзов, как правило, эффективно противопоставляется массе покорных рабочих и подавляется работодателями при доброжелательном нейтралитете или прямом соучастии государства.

Аналогичным образом женщины остаются «нашими милыми дамами», матерями и «хранительницами домашнего очага» до тех пор, пока в зоне невидимости остаются проблемы, составляющие специфическое содержание «женской доли». Как только женщины начинают говорить об изнасилованиях, харассменте, «стеклянных потолках» и т.п.,

«дорогие мамы и бабушки» немедленно превращаются в озлобленных маргинальных феминисток-мужененавистниц.

Внешняя монолитность и консерватизм так называемого большинства существует лишь при том условии, что это большинство остается молчаливым, а составляющие его люди - невидимыми. Молчание и невидимость являются результатом целенаправленной политики изоляции и стигматизации (шельмования) «меньшинств». Глупо думать, что общество-шкаф, в котором угнетенные рассортированы по ячейкам для удобства эксплуатации власть имущими, способно в один прекрасный день взбунтоваться. Новое, революционное, большинство может возникнуть лишь как итог солидаризации «меньшинств», восставших против угнетающей их системы.

24 апреля 2014

КОММУНИСТИЧНЫЙ МЕМ, ИЛИ ЧТО ЛЕВЫЕ МОГУТ ВЗЯТЬ У РИЧАРДА ДОКИНЗА

Эта статья написана под впечатлением от книг британского эволюционного биолога Ричарда Докинза. Не претендуя на право судить о проблемах биологии, я лишь хочу поделиться мыслями, возникшими под влиянием прочитанного. Возможно, они позволят по-новому взглянуть на место левых идей в истории человечества.

Ричард Докинз известен в России главным образом как пропагандист атеизма. Но на мой взгляд, при всем остроумии докинзовской критики религии, она куда менее оригинальна, чем его научная концепция, изложенная еще в начале 1970-х в вызвавшей много споров книге «Эгоистичный ген». Недавно она была издана и на русском языке.

Взятая сама по себе, картина эволюции, нарисованная Докинзом, может навлечь (и неоднократно навлекала) на автора обвинения в антигуманизме. Если не вдаваться в подробности, то она сводится к тому, что сложные организмы, включая людей, являются своего рода колониями древних репликаторов (самовоспроизводящихся единиц живой материи) – генов. Дарвиновский естественный отбор действует не в интересах вида или отдельного организма, а способствует воспроизводству генов, диктуя последним «эгоистичную» стратегию «поведения» (разумеется, в кавычках, поскольку гены не обладают сознанием, а сам процесс отбора носит абсолютно безличный характер).

Биологическая эволюция по Докинзу выглядит как процесс стихийной конкуренции, где любые примеры альтруизма и кооперации объясняются с точки зрения «эгоистичного гена», а живые существа выступают как «машины выживания» для микроскопических репликаторов.

Повторяем, если бы Докинз остановился на этом, его концепция была бы просто еще одной разновидностью социал-дарвинизма. Однако автор не согласен с тезисом о биологической заданности человеческой природы. Напротив,

весь пафос его философских взглядов заключается в том, что человек – это единственное существо на планете, способное освободиться от диктата естественного отбора и своих эгоистичных генов.

Тэтчеризм в мире животных

Последние, по мнению Докинза, не являются единственными существующими репликаторами. Наряду с ними действуют «мемы», единицы культурной информации, остроумно описываемые автором по аналогии с генами – как самовоспроизводящиеся, подверженные мутациям и т.п. Мы не будем углубляться в пересказ этой части воззрений ученого и обсуждение вопроса о том, обоснована ли его теория мемов так же хорошо, как и идеи, относящиеся к биологической эволюции. Отметим лишь, что Докинз не разделяет идиллических представлений о природе (в одном из своих выступлений он говорит, что если бы люди строили свою общественную жизнь на дарвиновских принципах, то получили бы нечто вроде тэтчеризма) и говорит о культуре как о том, что выделяет людей из животного мира.

Эту мысль нетрудно перевести на язык марксизма, если вспомнить, что, согласно взглядам его основоположников, освобождение от капитализма является лишь частью грандиозного процесса эмансипации человечества от власти природной необходимости, т.е. естественного отбора. Подчиняя себе силы природы, создавая вокруг себя «вторую природу», люди, однако, все еще далеки от подлинной свободы. Они оказываются под властью слепых сил экономики (легенда о том, что Маркс хотел посвятить «Капитал» Чарльзу Дарвину, отражает одну из важных идей марксизма).

Невидимая рука рынка играет в социальных отношениях ту же самую роль, что естественный отбор в биологической эволюции. Можно даже сказать, что это все тот же дарвиновский закон, видоизмененный применительно к человеческому социуму.

Невидимая рука рынка - всегда в твоём кармане

Развитие цивилизации дало человечеству эволюционное преимущество по сравнению с любыми другими видами живых существ, но это не значит, что мы «победили» естественный отбор. По сути, люди ведут себя как кролики или козы, завезенные переселенцами в среду, где у них отсутствуют естественные враги. Оказавшись на вершине пищевой цепи, человечество лишь хищнически потребляет ресурсы планеты и хаотически размножается. Только в отличие от кроликов, мы способны предвидеть, что однажды отбор вступит в свои права и приведет нашу популяцию к вымиранию.

Приняв во внимание вышесказанное, мы можем по-новому оценить риторику правых: от либертарианцев до неонацистов, и понять, в чем кроется наиболее фундаментальное различие между «правым» и «левым». Правые – это те, кто прямо или косвенно служит «злему божеству» дарвиновского отбора, признает «естественность» и правомерность его господства над человечеством. Очень рельефно это проявляется в риторике консерваторов, противящихся абортам, контрацепции, легитимизации однополых отношений, и являющихся фанатичными сторонниками демографического роста. Не глаголет ли их устами «эгоистичный ген», не желающий ничего слышать об угрозе перенаселения планеты, «стремящийся» к максимальному размножению так же, как капиталисты стремятся к максимальной прибыли?

Из либертарианцев - плохие спасатели

Или возьмем феномен расизма. В его основе, по мнению Докинза, лежит атавистический инстинкт, заставляющий бессознательно рассматривать фенотипически близких к нам людей как кровных родственников, а отличных от нас – как враждебных чужаков. И вновь правые выступают как представители зоологического начала, а левые (в широком смысле)

ле) – как носители «протivoестественных», т.е. культурных, гуманистических идеалов.

В «Происхождении семьи, частной собственности и государства» Энгельс усматривает начало разделения труда, а, следовательно, и расслоения общества на антагонистические группы, «в половом акте», в подчинении женщины мужскому доминированию – патриархате. Эта, кажущаяся, на первый взгляд, странной, мысль, получает развитие в работах неodarвинистов. По мнению Докинза, предпосылкой возникновения патриархатных отношений является биологический факт асимметрии вклада сторон при половом размножении. «Сперматозоиды и яйцеклетки, - пишет Докинз, - ...вносят равное число генов, но питательных веществ яйцеклетки вносят гораздо больше... Таким образом, в момент зачатия отец вносит в зародыш меньше ресурсов, чем те 50%, которые ему следовало бы внести по справедливости. Поскольку каждый сперматозоид очень мал, самец может производить их помногу миллионов в сутки. Это означает, что он потенциально способен произвести на свет очень много детей, спариваясь с разными женщинами. Это возможно только потому, что соответствующее питание каждому новому зародышу обеспечивает во всех случаях мать... С этого момента и начинается эксплуатация женщины». Не в этом ли кроется разгадка приверженности правых «традиционным ценностям» и их утробная враждебность к феминизму? И удивительно ли, что консервативные идеологи всегда питали слабость к биологическим и эссенциалистским аргументам?

Так же легко можно провести границу между правыми и левыми в вопросах экологии. Позиция «эгоистичного гена» заключается в игнорировании или радикальном неприятии экологической повестки, поскольку выживание вида не входит в число его «целей». Ведь естественный порядок вещей состоит в том, что судьбу видов определяет «невидимая рука» дарвиновского отбора.

Капитализм = каннибализм

Ну, и, наконец, венчает весь этот мрачный культ «естественности» ненависть к любым формам планирования экономики и перераспределения ресурсов общества в пользу бедных. Чтобы убедиться в том, насколько глубокой является эта ненависть, достаточно прочесть очередную колонку Юлии Латыниной о «матерях-одиночках-наркоманках» и «дармоедах на пособии». В свете вышесказанного сам собой напрашивается вывод, что первородный «грех» социализма состоит в покушении на принцип естественного отбора в самой главной его цитадели – экономике. Вместо того чтобы безропотно подчиниться закону природы, став кормовой базой для наиболее социально приспособленных особей человеческого рода, бедняки стремятся «искусственно» ограничить, а то и вовсе устранить их аппетиты.

Я назвал правый дискурс «культом» не просто из любви к метафорам. Воинствующий атеизм Докинза, манифестом которого стала книга «Бог как иллюзия», общеизвестен. Однако по прочтении «Эгоистичного гена» трудно отделаться от мысли, что борьба британского ученого с религией связана с его концепцией человека как сложноорганизованной машины выживания, способной восстать против генного эгоизма и против «творца», «провидения», «рока» - естественного отбора. Не следует ли рассматривать религиозные представления человечества как мифологизированное отражение реальности дарвиновского мира? Не в этом ли причина их поразительной живучести?

Могут возразить, что я поступаю некорректно, объединяя в одну рубрику такие разные течения правого дискурса, как, например, нацизм и либертарианство. Однако моя цель и состоит в том, чтобы понять, что объединяет в единый дискурс поклонников Адольфа Гитлера и Айн Рэнд. По моему мнению, несмотря на все внешние отличия, и те, и другие представляют собой различные вариации социал-дарвинизма. Если нацисты с их лагерями смерти и евгеникой

стремились заменить естественный отбор искусственным, поставив его на службу идеологическим фантомам, то фанатики «свободного рынка» – более ортодоксальны. Они также хотят обеспечить процветание самым «жизнеспособным» особям за счет всех остальных, но уповают при этом на божественный перст «невидимой руки». Впрочем, как показывает история, в случае необходимости неолИБералы никогда не отказывались облечь ее в стальную перчатку диктатуры.

Точно так же изложенные здесь мысли могли бы быть полезны левым, помочь им лучше осознать собственную миссию и идентичность. Какие бы различия ни существовали между многочисленными течениями левой мысли, все они представляют собой единый, как выразился бы Докинз, «мемокомплекс». Марксизм, феминизм, экологизм, антирасизм и даже такое, непризнанное большинством марксистов, направление деятельности, как зоозащита, являются элементами одного левого освободительного проекта. Разъяв его на части, мы лишь делаем уступку правой идеологии, которая немедленно заполняет образовавшиеся лакуны, порождая монструозные гибриды «консервативной левизны».

29 января 2014

БОЛЬШОЙ КРАСНЫЙ МУЖИК И ДРУГИЕ ЖЕРТВЫ ПАТРИАРХАТА

Эта статья – о гендерном угнетении. Но речь в ней пойдет вовсе не о проблемах женщин или ЛГБТ, а о других, нечасто упоминаемых, жертвах патриархата – обычных гетеросексуальных мужчинах из рабочего класса.

Я употребил термин «патриархат», однако, сразу оговорюсь, что говорить о патриархате только как о системе мужского господства или мужских привилегий мне кажется не вполне правильным. Скорее, речь должна идти о навязывании и воспроизводстве определенных стереотипов поведения, которые делают женщин и мужчин, гомо- и гетеросексуалов, уязвимыми для эксплуатации, насилия и разного рода манипуляций.

Нам, мужчинам, с детства вдалбливают представления о том, что должен представлять собой «Настоящий Мужчина». Прежде всего, настоящий мужчина обязан быть «сильным». Он – работник, воин, лидер, добытчик и кормилец. Он не должен проявлять неподобающие эмоции неподобающим образом. Вести себя агрессивно – «дать в морду» – позволительно, плакать – нельзя. Быть робким, чувствительным «ботаником», проявлять «женские» качества – плохо. В школе таких дразнят и бьют, в армии и на работе – унижают. «Бабы» таких не любят. В космонавты таких не берут...

Казалось бы, подобное воспитание должно способствовать привилегированному положению мужчин в капиталистическом обществе, которое возводит на пьедестал именно эти – «мужские» – добродетели. Однако парадокс состоит в том, что чем больше представители «сильного пола» стремятся соответствовать предписанному идеалу, тем более угнетенными и несчастными они обычно становятся.

Работая в профсоюзе рабочих автопрома, я постоянно наблюдаю одну и ту же картину. Молодой парень приходит на завод – зарабатывать. Но зарабатывает он, как правило, межпозвоноквую грыжу или что похуже. Потому что ради

таких атрибутов мужественности как машина или квартира, для того, чтобы жена или подруга не называла неудачником, а друзья и коллеги – слабаком, надо ВПАХИВАТЬ. Работать сверхурочно, на износ, плевать на здоровье и технику безопасности. И не думать ни о каких профсоюзах, потому что, вступишь в профсоюз – не получишь «привилегию» ходить на переработки, не дадут премию, а то и вовсе уволят. Будешь приносить в семью меньше денег – жена и теща начнут пилить, начнешь ходить на профсоюзные собрания – подруга приревнует. Обычно так продолжается, пока не наступают серьезные проблемы, грозящие увольнением по состоянию здоровья, а то и инвалидностью.

Феминистки часто говорят о том, что разделение труда по гендерному признаку несправедливо. И это действительно так. Традиционно «женские» профессии – учитель, врач, официантка, посудомойка, продавец, уборщица и т.п. – низкооплачиваемые и непрестижные. Среди руководителей высшего звена доля женщин непропорционально мала. Но это вовсе не значит, что рабочий автозавода, шахтер или водитель (профессии, почти исключительно «мужские») находятся в привилегированном положении. Они могут получать больше, но какой ценой? Зато очевидно, что мачистские предрассудки дают работодателю прекрасную возможность манипулировать рабочим: «Мужик ты или не мужик?!».

Излюбленным аргументом сексистов является указание на то, что женщины в среднем живут дольше мужчин. Поскольку в России практически отсутствует достоверные данные о профессиональных заболеваниях, сложно подтвердить цифрами тезис о том, что мужиков косит тяжелый, вредный и чрезмерный труд (хоть это и выглядит правдоподобно). Гораздо легче найти статистику, свидетельствующую, что одной из основных причин ранней смертности являются алкоголизм, никотиновая зависимость и наркомания – проблемы не чисто мужские, но явным образом связанные с патриархальными установками. Истинный мачо вынужден носить маску: быть суровым, не проявлять лишних эмоций,

быть готовым дать отпор реальному или вымышленному врагу. Снять тревогу, психологическое напряжение, усталость после каторжной работы, выговориться без алкоголя и других психоактивных веществ он зачастую просто не способен. Питание является ритуальным действием, во время которого мужик получает законное право вести себя «не по-мужски»: поплакать пьяными слезами, «раскрыть душу» и тому подобное. И чем больше реальная жизнь разбивает патриархальные иллюзии, тем чаще возникает потребность в суррогатах.

Кабак обычно является своеобразным клубом, где можно, сбежав от семьи, в кругу друзей-собутыльников обсудить сугубо мужские темы, о которых с женой не поговоришь. Но разве может быть по-настоящему счастливым брак, если супруги не разделяют интересов, ценностей и устремлений друг друга; когда все отношения сводятся к общему быту, сексу и воспитанию детей? Патриархат, навязывающий мужчинам и женщинам противоположные модели поведения, ценности и способы самореализации разрушает семью, превращая совместное сожительство в мучительную рутину.

Говоря о корнях мужского доминирования, обычно указывают на тот биологический факт, что мужчины в среднем сильнее женщин и, а значит, могут навязывать свою волю, применяя физическое насилие или угрожая им. Это тоже верно. Но мачистская модель мужественности с ее культом силы и агрессивности, бьет (в буквальном смысле) не только по женщинам, которые становятся жертвой домашнего и сексуального насилия, домогательств и шантажа, но и по мужчинам. Думаю, насилие - в том числе сексуальное - процветает в закрытых мужских сообществах: армии, тюрьмах и т.п., да и повсеместно - на улицах и в быту, должно быть также включено в гендерный анализ.

Разумеется, дурное воспитание или «среда» никоим образом не оправдывают насильника, однако неумение разрешать конфликты без мордобоя приводят тысячи и тысячи мужчин кого в тюрьму, кого в больницу, а кого - на кладбище.

Гопник как социальный тип, наиболее ярко выражающий сущность мачизма, является не только агрессором, но и в определенном смысле – заложником патриархата. Не говоря уже о тех мужчинах, которые по разным причинам оказываются внизу «пищевой цепи».

Однако наиболее рельефно антимужской характер патриархатной идеологии проявляется в политике. Милитаризм, в реальности обусловленный прагматическими интересами социальной элиты, обращаясь к массам, апеллирует прежде всего к маскулинности. Милитаристский элемент как бы вмонтирован в мужскую идентичность. Если смысл праздника 8 марта был низведен до сексистских пошлостей, то нечто подобное произошло и с днем 23 февраля. День Красной армии, вышедшей из бунта против империализма и борющейся за классовые интересы в Гражданской войне, превратили в день защитников отечества, когда российским мужчинам напоминают, что каждый из них, как только потребуется политикам, должен стать пушечным мясом в очередной «патриотической» авантюре. Стоит отметить, что массовое уклонение от службы в армии является, пожалуй, таким же примером бытового антисексизма среди мужчин, также как и мода на стиль жизни чайлдфри среди женщин.

Характерно, что большинство авторитарных политических идеологий откровенно фаллоцентричны. Трудно представить диктаторский режим, который бы в той или иной мере не культивировал представлений о героической мужественности и пассивном «женском начале». Но было бы абсурдом думать, что, скажем, германский национал-социализм был лишь системой мужского господства над женщинами. Да, женщины были порабощены, но и миллионы немцев мужского пола, в большинстве – представители рабочего класса, погибли на поле боя, в концлагерях и застенках гестапо.

Тот факт, что многие люди, считающие себя социалистами или анархистами склонны недооценивать, а то и вовсе отрицать актуальность гендерных противоречий, связан, на

мой взгляд, с тем, что на протяжении значительного отрезка своей истории левое движение также отдавало дань сексистским стереотипам. Марксисты классического периода преклонялись перед дисциплиной капиталистической фабрики, а коммунисты 1920-30-х годов строили свое движение на манер армии. Преодоление половой дискриминации мыслилось большинством идеологов того времени как растворение всех частных, огульно относимых к «надстройке» идентичностей в универсальной классовой идентичности пролетариата. Но при этом последняя конструировалась преимущественно мужчинами и для мужчин, что нашло выражение в откровенно консервативной гендерной политике сталинизма и вылилось в бурные дискуссии второй половины века, значительно видоизменившие левую теорию.

Современное левое движение России крайне провинциально. Находящиеся в плену мифологии, левые активисты и сегодня представляют себе рабочий класс в виде Большого Красного Мужика с молотом, сошедшего с агитплакатов начала XX века. На практике это проявляется не только в обесценивании гендерной проблематики, но и в совершенно извращенном представлении т. наз. «рабочистов» о трудящихся (См. «Пролы и хипстеры. Двойная мистификация»). Предрассудки и заблуждения наемных работников, во многом определяющие их жалкое, подчиненное положение, воспринимаются как фирменный знак «пролетарскости», а отсутствие такового – как «мелкобуржуазный уклон».

Более продуктивный подход, отличный как от вульгарного рабочизма, так и от вульгарного феминизма, состоит, на мой взгляд, в том, чтобы рассматривать патриархат как важнейший фактор классового господства, наряду с национализмом, расизмом, религией и потребительской идеологией, но имеющий куда более глубокие корни и фундаментальное значение. Присущий марксизму универсализм ничуть не страдает от признания гендерных различий и специфичности различных моделей эксплуатации. Можно быть полноценным марксистом, применять марксистскую методологию, зани-

маясь проблемами экологии или борьбой против домашнего насилия. Точно так же признание того факта, что мужчины и женщины в рамках патриархатной системы могут являться и проводниками, и жертвами угнетения, не только не подрывает основных положений феминистской теории, но и создает предпосылки для солидарности.

07 марта 2013

ДОМОСТРОЙ ПРОТИВ ПОТРЕБЛЯТСТВА: НОВЫЙ СМЫСЛ ИЛИ СТАРАЯ БЕССМЫСЛИЦА?

Статья Андрея Кузьмина под глубокомысленным заглавием «Тело человека – часть большего, чем сам человек» представляет собой столь яркий образчик реакционного вздора, что в других обстоятельствах было бы достаточно просто указать на нее как на забавный курьез. Однако этот текст, органично смотревшийся бы в любом черносотенном издании, опубликован на sensusnovus.ru, сайте, претендующем на левизну, и действительно помещающем неплохие левые тексты.

Опус Кузьмина.* приурочен к общественной дискуссии, которая развернулась в связи с законопроектами депутатов Елены Мизулиной и Валерия Драганова об ограничении права на аборт. Однако этим наш автор не ограничивается. Ополчаясь на «феминисток и подыгрывающих им левых шарманщиков», Кузьмин «дерзает перевести разговор на тему аборт в сферу метафизическую», т.е. в область утомительного словоблудия об этической миссии государства, Личности-с-большой-буквы, духовности, грехе, природе человека, а так же «мистическом и онтологическом неравенстве полов».

Как и положено консервативно-охранительному публицисту, Кузьмин брезгливо игнорирует социальную действительность, порождающую такое неприглядное явление как аборт. Он раздраженно отмахивается от «левых феминисток, сводящих вопрос к социально-экономической проблематике», зато пространно рассуждает о капитализме, «превращающем всех в потребителей... без пола, имени и истории». Мистический капитализм Андрея Кузьмина синонимичен разврату, бездуховности и вседозволенности, которым призвано противостоять столь же фантастическое Государство, одна из главных функций которого – «манифестация определённых идей, формирование системы координат, определение (в частности, через законодательное

*<http://www.sensusnovus.ru/opinion/2011/09/23/11070.html>

установление норм и запретов) того, что такое хорошо, а что такое плохо».

По логике Кузьмина выходит, что (впрочем, сомнительные) 4 миллиона абортотворений в год – следствие неумолимой тяги к плотским утехам, обуявшей общество под влиянием «потребительской психологии». Развратные женщины делают аборт так же, как римские патриции срыгивали потребленные ими яства, чтобы продолжать разгульное пиршество. Однако жизнь среднестатистической женщины в современной России отнюдь не наполнена гедонизмом. Говорить об «обществе потребления» применительно к стране, в которой, по данным Росстата, более 21 млн. человек живут на прожиточный минимум 6505 рублей в месяц, а 56% опрошенных причисляют себя к бедным, мягко говоря, странно.

Прежде чем изливать свое нравственное негодование по поводу «массового убийства» эмбрионов, стоит, прежде всего, ознакомиться с той самой социально-экономической проблематикой, которая для подавляющего большинства граждан бесконечно актуальней туманных разглагольствований о грехе и святости. Суровая – и крайне аморальная – действительность состоит в том, что «каждый новый проект человеческого существа» – это проект, который далеко не каждому по карману. Чтобы вырастить и воспитать ребенка, нужна известная сумма материальных условий: стабильная работа, минимально необходимый уровень достатка, бесплатное образование и медицина, общедоступная сеть детских дошкольных и внешкольных учреждений... Необходим и известный уровень общественной культуры, снижающий число нежелательных беременностей. Левый взгляд на проблему абортов состоит в том, что искоренение этого зла путем запретов и моралистических проповедей невозможно. Коль скоро не существует условий для достойного материнства, а воспитание детей остается «частным делом» женщины, частным делом должно считаться и ее решение – рожать или не рожать.

Объявляя деторождение гражданским долгом и природным предназначением женщины, Кузьмин видит миссию

государства лишь в «обозначении ценностей» и декретировании нравственных норм, хотя бы эти последние и противоречили грязной и греховной социальной действительности. При этом сам автор, по-видимому, осознает слабость своей позиции, начиная статью следующим забавным пассажем: «Недавно узнал, что в Санкт-Петербурге нельзя купить алкоголь после 23 часов... Живя в России, я прекрасно понимаю, что политика власти давно построена на лжи и желании в очередной раз развести граждан. Однако я рад принятию закона против пьянства – ночного, уличного, загульного. Хотя пьянство никуда не исчезнет, поскольку пойло будут продавать из-под полы, а менты будут эту торговлю крышевать. Но сам факт запрета вселяет оптимизм». Рост числа подпольных абортов, совершаемых варварскими методами и количества смертей, вызванных подобной практикой, вероятно, обрадует нашего моралиста столь же сильно. Мавр (государство) «обозначил ценности» - мавр может уходить.

Презрительно отмахиваясь от социально-экономической проблематики, Кузьмин (кто бы сомневался!) требует от российских женщин героических добродетелей. «Отличие, фундаментальная сущностная черта женщины – способность к деторождению, – поучает он бездуховных феминисток и левых, – Рождение нового человека, не просто некое клеточное слияние, это начало нового самостоятельного проекта Личности. И женщине доводится высшая честь быть сопричастной этому чуду... Здесь высшая степень ответственности и преодоление своего эго, своей телесности. Понимание смысла жертвы как основы культуры показывает уровень духовного развития не только народа, но и отдельного человека. Начало культуры и есть способность пожертвовать своим комфортом, здоровьем, жизнью. Героизм женщины в этом самопожертвовании. Через женщину осуществляется новая будущая жизнь. И женщина уже не вправе решать: жить или умереть ещё не родившемуся ребёнку. Не только потому, что дитя – новый человек, самостоятельная душа. Но и потому, что дитя – плод двоих».

Здесь не просто тошнотворная слащавость, но еще и лицемерие. Самопожертвование, преодоление эго, подвиг являются таковыми лишь при условии свободы выбора. Жертва, вымогаемая насильно («женщина уже не вправе решать...») – это угнетение. Угнетение тем более гнусное, что от мужчины, отца г-н Кузьмин никаких жертв не требует, несмотря на то, что дитя это «плод двоих».

Удивительно, до какой степени архаичными аргументами оперируют современные моралисты, противники гендерного равенства. Разумеется, они возвышенно почитают и превозносят женщину... при условии, что она остается «женщиной», т.е. рабыней. Кузьмин пишет: «Феминистские разговоры о равенстве полов – банальная буржуазная трепотня. Мужчина и женщина не равны! Это разные существа и физиологически, и ментально, и мистически (!)...Это неравенство не означает, что один пол хуже, а другой лучше. И конечно, не должно иметь следствием политическое и социально-экономическое ущемление женщин. Мужчины и женщины разные, но при этом дополняют друг друга». В общем, *jedem das seine*. Я же считаю, что буржуазной трепотней является утверждение автора о том, что сведение смысла существования женщины к деторождению «не должно иметь следствием политическое и социально-экономическое ущемление».

Отвечу на это словами Георгия Плеханова, критиковавшего, правда, куда более талантливого и прогрессивного моралиста своего времени – Генрика Ибсена: «Ради «дела человека» женщины должны ограничить свой горизонт пределами детской комнаты. Ясно ли это? Женщина – мать. Так. А мужчина – отец. Однако это не мешает ему выходить из детской. Освобожденная женщина довольствуется ролью матери, как довольствовалась ею женщина, никогда не задумывавшаяся о свободе... Важно вечное, а не временное... «Бунт человеческого духа» оставляет все на старом месте». Точно так же, как и реакционный антикапитализм Андрея Кузьмина.

16 октября 2011

ПРОТИВОСТОЯТЬ
КОНСЕРВАТИВНОМУ
ДРЕЙФУ

ДРУЗЬЯ ВООБРАЖАЕМОГО НАРОДА

Есть один пункт, в котором наблюдается поразительное согласие между либералами, путинистами и «народнической» частью российских левых. Это представление о том, что большинство населения России является носителем левых ценностей, в противоположность узкому слою среднего класса и интеллигенции мегаполисов.

На противопоставлении «креативного класса» и «условного Уралвагонзавода», «ватников» и «хипстеров» строится упрощенное представление об общественных процессах, характерное как для официозной, так и оппозиционной пропаганды. Вокруг него вращается обсуждение таких сложных сюжетов, как Болотная, Майдан и Антимайдан. Разные идеологические лагеря различаются лишь направленностью своих симпатий и антипатий.

Если оставить в стороне левонационалистических деятелей вроде Кургиняна и Лимонова, то наиболее заметным представителем «народнического» тренда в левом движении является Борис Кагарлицкий, весь пафос публицистики которого сводится к превознесению молчаливого большинства (трудового народа), органически враждебного паразитической мелкой буржуазии, якобы, составляющей ядро протестов в России 2011-2012 и Украине 2013-2014 годов.

Украина в зеркале российского «народничества»

В редакционной статье на сайте gabkog.ru «Антимайдан и будущее протеста» Кагарлицкий или его alter ego (к сожалению, материал не подписан) характеризует украинские события: «Ничто так не говорит о классовом характере развернувшегося на Украине противостояния, как две толпы, собравшиеся 7 апреля в Харькове. На одном конце площади, под государственными желто-голубыми флагами стоял хорошо одетый, ухоженный и благополучный средний класс, интеллигенция, студенты. Напротив них с красными знаме-

нами, триколорами и георгиевскими ленточками собрались бедно и плохо одетые люди — рабочие, молодежь городских окраин». По мнению автора, это есть не что иное, как предвосхищение будущего России, где лишь «ненавистный либеральным интеллектуалам госаппарат как раз и защищает их от прямого столкновения с теми самыми массами, которых они обзывают «быдлом».

Тот факт, что маститый социолог вынужден прибегать к таким демагогическим приемам, как оценка классового состава протестующих «по одежке» (интересно, много ли времени он провел с лупой, рассматривая фото из Донецка?) свидетельствует о спекулятивном характере его схемы. Говоря о социальном облике Майдана, большинство аналитиков отмечает разительные перемены, происходившие по мере радикализации протестов. «На том евромайдане, который существовал до 30 ноября – 1 декабря, - отмечал политолог Василий Стоякин, - преобладали киевляне, и во многом «лицо» Майдана было «молодежно-интеллигентским», немного разбавленным политическим активом: присутствовало много студентов, людей с высшим образованием, людей творческих профессий... После 30 ноября, когда начались столкновения... приехало довольно много людей рабочих специальностей без высшего образования, прибывших в значительной части из западных регионов».

По мнению директора Института глобальных стратегий Вадима Карасева, высказанному в конце января, «костяк евромайдана составляют мужчины 35–45 лет, «молодые и злые», часто безработные... Называть Майдан протестом низов, равно как и протестом среднего класса, на мой взгляд, некорректно: это Майдан всех недовольных, кто имеет возможность доехать до Киева». Согласно проведенному в середине декабря исследованию фонда «Демократические инициативы им. Илька Кучерива», каждый пятый активист Майдана был жителем Львова, около трети прибыли из центральных регионов Украины, каждый десятый – из Киевской области и около 20% были выходцами с юго-востока.

Среди погибших на майдане участников протестов 61 человек (две трети!) составили активисты из сел и небольших городов Центральной и Западной Украины. Как отмечали политолог Ринат Патеев и замредактора журнала «Эксперт-Юг» Николай Проценко, «Мы видим среди жертв большое количество сельских жителей, в том числе молодых субпролетариев... С другой стороны, довольно полно представлен список профессий интеллигенции: программист, журналист, художник, несколько учителей и преподавателей вузов, несколько театральных деятелей, а также немало студентов». Под субпролетариями авторы статьи понимают, прежде всего, сезонных рабочих, «промышляющих заработками за рубежом». Не правда ли, все это довольно далеко от портрета «хорошо одетого, ухоженного и благополучного среднего класса», нарисованного автором с Рабкора? Скорее уж, стоит говорить о классической для революционных эпох картине перерастания мирного студенческо-интеллигентского протеста в восстание наиболее обездоленных представителей рабочего класса (которым почему-то не помешали сражаться ни либералы, ни хипстеры).

В качестве доказательства классового характера Анти-майдана автор не приводит иных доводов, кроме указания на «краткий текст декларации Донецкой республики», в котором «прозвучали слова о коллективной собственности, равноправии и общественном интересе». Однако рост антиправительственных и антиолигархических настроений отмечают и многие наблюдатели на Майдане. Журналист и левый активист Игорь Дмитриев цитирует манифест активистов самообороны Майдана: «Новая власть Украины, вошедшая в кабинеты власти на плечах Майдана, делает вид, что его не существует. Мы боролись не за посадочные места для Тимошенко, Коломойского, Парубия, Авакова и прочих. Мы боролись за то, чтобы хозяевами страны были все граждане страны. Каждый из нас, а не несколько десятков «представителей». Майдан не считает, что достиг цели, ради которой погибли наши братья».

Майдан и Антимайдан, имеющие сходный социальный состав, действующие одинаковыми методами и страдающие однородными националистическими болезнями, выглядят как братья-близнецы, разделенные и обращенные друг против друга враждующими кланами элиты и обслуживающими их интеллектуалами. Нет абсолютно никаких причин насилловать факты, натягивая их на предвзятую схему, нарисованную по итогам совершенно иных событий, произошедших в другой стране.

Является ли российское общество левым?

Но вернемся в Россию и посмотрим, работает ли «народническая» схема здесь. Можем ли мы говорить о «левом большинстве», сознательно игнорирующем протесты мелкой буржуазии, охраняемой властями от гнева народного?

Вера в это распространена среди известной части левых, однако никаких фактов, подтверждающих это мнение, попросту не существует. Бедный Кагарлицкий постоянно вынужден апеллировать к отсутствию. Например, комментируя результаты выборов московского мэра, Борис Юльевич заявлял о «победе партии бойкота», которая по умолчанию считается доказательством левизны электората. По этой логике отсутствие, к примеру, массовых протестов против платной медицины должно свидетельствовать о торжестве неолиберальных идей в широких массах трудящихся.

Да, в сегодняшней России не так часто валят памятники Ленину, а кремлевский официоз охотно заимствует мотивы советской мифологии. КПРФ остается крупнейшей оппозиционной партией (вот только левой ли?), а СССР воспринимается многими как эталон государственной и экономической мощи. Но является ли все это показателем левизны в том смысле, в котором ее должен понимать автор, считающий себя марксистом?

Чтобы приблизиться к ответу на этот вопрос, нужно поставить другие, например – о распространенности практик

самоорганизации и коллективных действий в трудовой сфере. Статистика трудовых конфликтов, регулярно публикуемая Центром социально-трудовых прав, совсем не впечатляет. Еще меньше впечатляет статистика забастовок. Численность и устойчивость независимых от работодателей профсоюзных организаций ничтожно мала, причем редчайшие примеры успешного развития профсоюзов чаще встречаются на предприятиях транснациональных концернов, производственные отношения в которых приближены к западным стандартам. Активисты таких профсоюзов, как МПРА (отрицающих патерналистскую идеологию традиционных профобъединений) вынуждены обращаться не к почвенному коллективизму или пережиткам советской ментальности, а к переводным пособиям по оргнаизингу и опыту зарубежных коллег.

Вышесказанное относится и ко всем прочим формам добровольных объединений, которыми охвачено мизерное число россиян. Если народники конца 19 века могли апеллировать к крестьянской общине, широко распространенным в народе артелям и землячествам, то «народники» начала 21 века пытаются объявить носителем левых ценностей общество, не объединенное ничем, кроме государственной власти и нуклеарной семьи!

Стандартным объяснением провала болотных протестов обычно служит аргумент об отсутствии в них «социальных требований», под которыми понимаются лозунги, связанные с поддержкой малоимущих, доступностью общественных услуг, снижением цен и тарифов ЖКХ, повышением пенсий и зарплат. Но такие требования являются частью джентльменского набора практически всех российских партий и политиков, начиная с «Единой России» и заканчивая Прохоровым и Навальным. Звучали они и на Болотной. Однако странным образом социальная риторика, успешно используемая властями и партиями системной оппозиции, в устах радикальных левых не производит ровным счетом никакого действия на массы. Мы все время сталкиваемся с

парадоксальной картиной: соцпросы демонстрируют перманентную озабоченность населения бедностью, экономическим неравенством, безработицей, дороговизной и т.п., однако не происходит ни значимых протестов, ни роста влияния левых сил и профсоюзов. По-видимому, объяснение этого феномена состоит в том, что значительная часть населения связывает свои надежды не со стратегиями солидарности и коллективных действий, а с поддержкой сильной, отеческой, государственной власти. Именно с проявлениями лояльности Кремль увязывает выполнение «социальных обязательств», что и является сутью политики стабильности.

Левые в правом социуме

Наконец, должны ли мы считать ностальгические воспоминания обывателей об СССР времен застоя проявлением «левизны», а неприятие западного образа жизни и равнодушие к демократическим свободам – показателем антибуржуазности? Согласно извращенной логике «народников», объявляющих внеклассовыми, а, следовательно, и не стоящими внимания, большинство демократических требований, так оно и есть. Вместо того чтобы принять как очевидность то, что пролетариям нужно больше и более радикальной демократии, чем среднему классу; что протест студенческо-интеллигентский способен проложить путь восстанию социальных низов, теоретики вроде Кагарлицкого пытаются раскрасить в красное обыкновенный консерватизм.

Молчаливо или открыто постулируется, что рабочие могут каким-то образом обрести классовое сознание в условиях реакционного режима, не порывая с патерналистской идеологией этого режима и не поддерживая борьбу за те элементарные политические права, которые трудящиеся Запада завоевали ценой длительной и кровавой борьбы.

Пора признать, что мы живем в обществе, гораздо более правом, чем любая из стран Западной Европы и даже США. То, что европейские и американские праворадикалы видят

лишь в самых дерзких фантазиях, реализовано в постсоветской России в невиданно короткие сроки и с необычайной полнотой. Советское наследие (вернее, реакционные аспекты советской социальной модели) оказалось не противостоящим от буржуазности, а чрезвычайно благоприятной питательной средой для развития странного капиталистического социума, одновременно атомизированного и антииндивидуалистического, циничного и манипулируемого, традиционалистского и лишенного настоящих корней. И мы, левые, должны научиться быть революционерами такого общества, а не его вольными или невольными апологетами.

20 апреля 2014

ПРОТИВОСТОЯТЬ КОНСЕРВАТИВНОМУ ДРЕЙФУ

На днях братский ресурс www.openleft.ru опубликовал небольшой опрос на тему: «Крым и левые? Как преодолеть раскол?». Я бы сформулировал вопрос иначе: «Как его завершить?».

На протяжении двух последних лет российские левые переживали период острых разногласий. При этом вполне ясно обрисовались две тенденции: одна, характеризующаяся последовательным неприятием протестов 2011-2012 (не их лидеров или итогов, а самих протестов как «буржуазных», «либеральных» и т.п.) и другая, настаивающая на единстве задач политического и социального освобождения, рассматривающая левых как часть демократического движения.

Украинский кризис и события вокруг Крыма вывели эту вялотекущую полемику на новый виток, заставив стороны занять более отчетливые позиции. Ярче всего это продемонстрировал Эдуард Лимонов, завершивший свой «левый поворот» (вызвавший столько восторгов у антиболотной части левых) участием в путингах и призывами к властям разогнать Марш мира.

Могут возразить, что спор о майдане и Крыме не имеет прямого отношения к дискуссии о Болотной. Я считаю иначе. Мне кажется, что не только эти разногласия, но и такой трагикомический эпизод, как раскол анархистов по линии признания/непризнания феминистской и ЛГБТ-повестки, по сути, являются моментами одной полемики, имеющей глубокие мировоззренческие корни.

В свое время российско-украинский публицист Виктор Шапинов озвучил тезис: «Нет больше сталинизма и троцкизма, есть революционный марксизм и реформизм». Это «экуменическое» положение стало в левой среде чем-то вроде мема и вдохновило многочисленные попытки создания «широких» организаций, стремившихся пересмотреть старые догмы.

Положительное содержание тезиса Шапинова, обеспечившее ему поддержку со стороны наиболее продвинутых

представителей левого сообщества, состояло в том, что он зачеркивал старую, сектантскую традицию, зацикленную на травмах прошлого, противопоставлял актуальную политическую борьбу тупикам исторического реконструкторства.

Однако у «шапинизма» имелась и обратная сторона. Он не снимал идеологические разногласия, а предлагал левым своего рода мультикультуралистский консенсус: «Мы разные, но у нас есть общие цели. Давайте просто отпустим друг другу грехи прошлого, и поговорим о том, что нас объединяет». Было принято как аксиома, что современное значение оппортунизма и революционности никак не связано со сталинизмом, троцкизмом или любым другим «измом».

По шапиновским лекалам были скроены украинская Организация марксистов, российский Левый фронт, ряд региональных левых коалиций и, отчасти, РСД (изначально ставившее целью формирование «широкой левой», включающей в себя пост-троцкистские и пост-сталинистские течения). Однако вскоре оказалось, что, пользуясь фрейдистскими терминами, вытесненные троцкизм и сталинизм возвращаются, только не в старой, а в превращенной форме.

Постсоветское левое движение исторически сложилось из двух разнородных традиций: советского реваншизма, апеллировавшего к сталинистскому мифу и левого диссидентства, вдохновлявшегося антисталинскими течениями марксистской и анархистской мысли. Шапинизм стремился придать реваншизму менее ретроградные, более утонченные, «европеизированные» формы, но лишь для того, чтобы спасти в нем главное: идею реставрации мощного, авторитарного, патерналистского государства, противостоящего западному империализму. Обоснованию этого проекта служила «народническая» мысль о молчаливом большинстве, якобы, сохранившем советскую ментальность. Достучаться до этих *redneck*-ов (отождествляемых с рабочим классом или, как любят говорить либеральные публицисты, «условным Уралвагонзаводом») значило – наконец, обрести «социальную базу».

Но проблема состоит в том, что настроения антизападнического, квази-советского, имперского реваншизма успешнее всего утилизирует именно путинская власть, отцеживая как ненужную примесь все, что связано с большевистским революционным проектом. Сталинизм, окончательно очищенный от марксизма, становится частью госидеологии, а «левые» имперцы из «Сути времени» и КПРФ – наиболее яростными защитниками клерикально-националистической реакции.

Примитивное деление российского общества на «ватников» и «креаклов», являющееся догмой как либеральной, так и официальной пропаганды, стало для многих левых заменой классового анализа. Ориентация на консервативных мещан стала восприниматься как показатель «пролетариата», в противовес «оппортунизму» левых, поддержавших Болотную.

В итоге мы наблюдаем все более стремительный дрейф пост-сталинистов и некоторой части левых интеллектуалов, еще недавно кичившихся своим радикализмом и ортодоксальностью, в лагерь охранителей. Фактически мы имеем вполне оформившийся левоконсервативный лагерь, сторонники которого - от Кургиняна до Кагарлицкого – связаны друг с другом незаметными переходами тонов.

Сегодня эти люди пытаются избежать маргинализации, подлаживаясь под путинское пассивное большинство. Однако в долгосрочной перспективе подобная тактика чревата политическим самоубийством, аналогичным тому, что совершила Компартия Украины. Задачей прогрессивных левых, как марксистов, так и анархистов, является не поиск компромиссов с консерваторами, а преодоление разобщенности собственном лагере и привлечение в него тех левых активистов, которые пытаются противостоять оппортунистическому дрейфу.

23 марта 2014

ПОЧЕМУ Я НЕ С ВАМИ. ОТВЕТ АВТОРАМ «ЗАЯВЛЕНИЯ ЛЕВЫХ СИЛ РОССИИ ПО СОБЫТИЯМ В УКРАИНЕ»

События в Украине заставили путинских пропагандистов поднять на щит лозунг антифашизма. Этот специфический «антифашизм» органично сочетается с призывами раскатать танками «фашистский майдан», слезливым сочувствием «Беркуту» и обильным слюноотделением на «русский Крым».

Мешая откровенную ложь с полуправдой, выставляя сотни тысяч украинцев, свергнувших полицейский режим Януковича, кучкой бандеровских путчистов, опираясь на великорусскую версию истории Украины, «антифашисты» вроде Дмитрия Киселева запугивают российский народ и фабрикуют благородные оправдания корыстной геополитической игре российских монополий.

«Антифашисты» в хорошей компании

Невероятно, но часть российских левых сегодня фактически солидаризуется с кремлевскими агитаторами. Об этом красноречиво свидетельствует так называемое «Заявление коммунистических, левых и лево-патриотических сил России по событиям в Украине», опубликованное на сайте gabkog.ru.

Начиная с дежурных, ни к чему не обязывающих, осуждений в адрес Януковича, «западного и российского империализма», авторы заявления всем весом своей риторики обрушиваются на «фашиствующий и антикоммунистический» украинский протест. О качестве произведенного ими «анализа» свидетельствует хотя бы то, что этому самому протесту приписываются взаимоисключающие характеристики: стихийность и руководство со стороны либеральной оппозиции, которая, в свою очередь, якобы, «использует националистические движения в качестве ударной силы»; «внеклассовость» и подконтрольность западным капиталистам, стремящимся «создать хаос на границах России».

Чудесно, не правда ли? Люди, гордо именующие себя революционерами и, за исключением нацболов, интернационалистами, и даже анархистами (!) проявляют трогательную заботу о спокойствии государственных границ путинской России, как будто не российские военные разъезжают по Крыму на БТР-ах, а активисты майдана собираются оторгнуть Воронежскую область. Чего стоят после этого ханжеские приписки насчет «российского империализма», встречающиеся в паре мест этого документа?

И, разумеется, козырным аргументом «заявителей», наглядно доказывающим победу фашизма, является снос памятников Ленину в ряде городов Украины и погромы офисов КПУ. Эти люди не нашли слов осуждения в адрес преступников, расстреливавших и пытавших участников протестов, они не усмотрели в этом никаких признаков фашизма. Зато уничтожение памятников вызвало у них взрыв «антифашистского» гнева. Хочется спросить: что же осталось от вашего ленинизма, товарищи? Разве он заключается в обожании фетишей, а не в том, что социалисты должны бороться против национализма и империализма собственной страны? Чем вы тогда отличаетесь от КПУ, своей поддержкой правящей олигархии не только совершившей политическое самоубийство, но и надолго похоронившей саму возможность открытой пропаганды коммунистических взглядов в Украине?

Авторы заявления ни словом не обмолвились о борьбе с пророссийским национализмом и борьбе против российского вмешательства в украинский конфликт. Зато они призывают к созданию «антифашистского штаба» и вербовке российских граждан для «помощи украинскому народу». Вот уж, поистине, медвежья услуга всем украинским антифашистам и неоценимая помощь Тягнибоку и «Правому сектору», терроризирующим левых как наймитов Путина!

Да, националистическая угроза в Украине существует. Да, бороться с ней необходимо. Но делать это должны сами украинцы. Помочь им мы можем лишь ведя бескомпромиссную борьбу с собственной диктатурой и собственными

фашистами. Главным фактором гражданской войны, этнического, регионального и языкового раскола, нагнетания ненависти к русским является путинская Россия с ее имперской политикой. Разрушение путинского режима, а не его укрепление за счет внешнеполитических авантюр и разжигания шовинизма – залог подлинного братства равных и независимых народов России и Украины. Поражение российской диктатуры – вот цель, достойная коммунистов, левых, анархистов, которые не хотят стать пятым колесом в телеге официальной пропаганды и повторить бесславный путь КПУ.

28 февраля 2014

ЛЕВАЯ ПОЛИТИКА ЦЕННОСТЕЙ

Российское общество все больше раскалывается. Причем не столько по признаку идеологии, экономических интересов или отношения к советскому прошлому. Основой идентификации «свой-чужой» становится политика ценностей.

*Над удолбанной Москвой в небо лезут леса,
турки строят муляжи святой Руси за полчаса.*

Борис Гребенщиков

Как-то незаметно либеральная риторика прав человека в официальном обиходе уступила место консервативной идеологии «традиционных ценностей». В своем стремлении превратить Россию в нацию православных redneck-ов, кремлевские идеологи и пропагандисты сделали ставку на kulturkampf. Только, в отличие от культурных революций Бисмарка или Мао, культурная контрреволюция Путина направлена не против реакционных устоев, а против пережитков светского гуманизма. «Исконные» ценности русского народа конструируются буквально «за полчаса», но способны засесть в головах надолго. В этой войне ценностей левые обязаны занять позицию радикального отрицания, противопоставив неоконсервативному наступлению бескомпромиссную альтернативу, не только в области политики или экономики, но и в сфере культуры, морали, образа жизни.

Мы должны не только организовать рабочих. Мы должны сплотить всех тех, кто, вопреки реакционному мейнстриму, поддерживает гуманистические ценности. Левый сегодня – это не тот, кто любит Советский союз, а тот, кто принимает как очевидное, что мужчины и женщины, представители разных национальностей и рас, гетеро- и гомосексуальные люди морально и интеллектуально равноценны и должны пользоваться одинаковыми возможностями; что религиозная вера не может служить заменой научному знанию; что люди, использующие контрацептивы, не явля-

ются детоубийцами, а решение вопроса о том, рожать или не рожать, должна принимать женщина.

Левый – это тот, кто не верит в НЛО, пояс Богородицы или то, что употребление марихуаны неизбежно приводит к героиновой зависимости, а детская мастурбация обрекает грешников на вечные муки. Тот, кто уверен, что насилию не должно быть места в семье; что вопросы экологии, искоренение бедности и сохранение мира, борьба за трудовые и гражданские права, свободу мысли и слова являются более важными, чем любые частные или «государственные интересы». В защиту этих, казалось бы, банальных, а на практике – все более контркультурных и подрывных – истин мы обязаны выступать с тем большей энергией, чем больше правящий класс стремится сделать их маргинальными.

10 февраля 2014

ЛЕВЫЕ VS ЛИБЕРАЛЫ. О КРИТИКЕ И «КРИТИКЕ»

Постсоветский политический лексикон – это королевство кривых зеркал. У нас принято называть «коммунистами» людей, ратующих за «русский лад», сбрасывать с пьедесталов памятники Ленину, протестуя против режима Януковича и использовать слово «либерал» как универсальное ругательство.

Во время последней антифашистской демонстрации памяти Станислава Маркелова и Анастасии Бабуровой в Москве часть анархистов из так называемого «черно-красного блока» устроили скандал, выйдя на шествие с баннером: «Против фашизма, против либерализма». При этом «либералами» они окрестили участников «радужной колонны». И не потому, что ЛГБТ-активисты выступают за дерегуляцию экономики или поддерживают ВТО, а потому, что они пропагандируют «толерантию», т.е. защищают свои собственные права, вместо того, чтобы принести их в жертву пролетарской революции. Оставим пока в стороне вопрос о том, нуждается ли пролетарская революция в подобных жертвах, и остановимся на том, как используют левые (и не только они) слово «либерализм».

Недавно, перечитывая известный антибушевский памфлет американского режиссера Майкла Мура «Где моя страна, чувак?», я наткнулся на одно интересное место. Мур пишет: «Разумеется, большинство американцев ни за что не назовут себя «либералами». За последние два десятилетия это слово превратилось в самое грязное ругательство в американской политике. Республиканцам достаточно повесить на противника ярлык «либерала», и это становится концом политической карьеры несчастного».

По мнению режиссера, американские либералы сами подыгрывают своим противникам, проявляя бесхребетность, пессимизм и «слюнтяйство». Знакомая ситуация, не так ли? Но самое интересное, это как Майкл Мур передает содержание понятия либерализм. Утверждая, что подавляющее

большинство американцев вовсе не являются анекдотическими «реднеками», сторонниками правоконсервативных взглядов, автор, опираясь на статистику, описывает Америку, как «либеральный рай».

«Это очень либеральная, свободная и свободомыслящая страна, - пишет Мур, - Людям, живущим в этой стране ненавистна сама идея войны. Подавляющее большинство мужской половины населения никогда не служило ни в каких военизированных формированиях и не имеет ни малейшего желания служить в них... Граждане решительно выступают в поддержку профессиональных союзов и прав трудящихся. Они твердо знают, что от корпораций не нужно ждать никакого добра... Большинство жителей этой страны поддерживают идею равноправия женщин... считают что гомосексуалисты и лесбиянки должны пользоваться такими же правами, что и люди нормальной половой ориентации и не должны подвергаться дискриминации...

В этой стране почти все требуют более жестких законов, обеспечивающих чистоту окружающей среды... Эта страна придерживается настолько левых взглядов, что 80 процентов ее населения выступают за всеобщее здравоохранение... Уверяю вас, эта страна настолько красно-розово-коммунистическая, что консервативная партия никогда не может получить на выборах больше 25 процентов голосов, а большинство граждан называют себя или сторонниками либеральной партии, или, что еще хуже, независимыми или анархистами». Итак, либерализм в американском понимании этого термина является просто-напросто синонимом слова «левый». При этом Муру и в голову не приходит отделять феминистскую, экологическую или ЛГБТ-повестку от профсоюзной и социальной.

Впрочем, возразят (и справедливо), что американская политическая номенклатура сильно отличается от европейской. В США никогда не было настолько же мощных социалистических и коммунистических партий, как, например, во Франции или в Германии, а антикоммунистические кам-

пании периода холодной войны сделали неизбежной своего рода политическую мимикрию левых сил. Если в Европе антикапиталистические выступления проходят под знаменем борьбы с неолиберализмом, то главных врагов левых в США принято называть «неоконами», неоконсерваторами (причем в обоих случаях подразумевается, в сущности, одно и то же явление).

Не углубляясь в рассмотрение политической истории континентальной Европы, стоит отметить, что в XIX веке либералами здесь, как правило, называли сторонников конституционной монархии (представителей промышленной буржуазии, которые выступали против феодальных привилегий, в то же время, нуждаясь в инструментах авторитарной власти для защиты своей частной собственности). Разделение между демократами и либералами началось здесь еще в период Великой французской революции (якобинцы и жирондисты), и продолжилось в эпоху революций 1848 года, когда радикальное крыло республиканской демократии породило социалистические и анархистские движения.

В дальнейшем, по мере того, как земельная аристократия теряла власть и влияние, европейский либерализм переживал ряд мутаций, выступая сегодня либо в облике неоконсерватизма (Тэтчер, Саркози, Берлускони), либо в виде социал-либерализма. Свободно-рыночная догматика стала в конце XX века предметом консенсуса элит. Но сменяющие друг друга авторитарно-традиционалистские и «левые» вариации одной и той же праволиберальной мелодии по-прежнему различимы в европейских политических дебатах.

На постсоветском пространстве мы имеем совершенно особую, запутанную и до сих пор не вполне устоявшуюся «топонимику». Центральным событием новейшей политической истории России, как известно, является крушение СССР. Все политические силы, существующие в нашей стране, до сих пор определяют себя, исходя из отношения к советскому прошлому и, прежде всего, его сталинскому пе-

риоду. Однако СССР и сталинизм, в свою очередь, никогда не являлись социально и идеологически монолитными явлениями. Своеобразие советского общества заключалось в противоречии между имевшими место прогрессивными социальными завоеваниями, долгое время обеспечивавших ему высокий авторитет в мире, и бюрократическим, авторитарным режимом, роднившим его с самыми консервативными диктатурами XX века. Сталинизм был парадоксальным гибридом радикального марксизма и консерватизма.

Современные политические группировки начали складываться в эпоху Перестройки, когда в едином движении на время объединились самые разные течения оппозиции: от номенклатурной, которая впоследствии составила костяк нового правящего класса, до националистической и левой. Характерной чертой этого движения было сочетание рыночных иллюзий с широким демократизмом, что очень удивляло западных демократов, традиционно стоявших на левых позициях. Удивляться, и правда, было чему. В Европе или США непросто найти профсоюзы, экологические и правозащитные движения, пламенно требующие приватизации госсобственности, дерегуляции экономики и прочих мер из арсенала Рейгана и Тэтчер, что было нормой в СССР рубежа 80-90-х. Наследником этой традиции сегодня является партия «Яблоко» и другие «старые демократы», сочетающие умеренно-социальную, правозащитную и гуманистическую риторику с патологическим антикоммунизмом.

Но на этом мутации не закончились. Пришедшая к власти номенклатурная оппозиция немедленно приступила к «шоковой терапии» по рецептам самых правых неоконсерваторов Запада. Это привело к резкой смене общественных настроений. В тренде оказалась левонационалистическая идеология, потрясавшая зарубежных коммунистов и социалистов зубодробительным сочетанием остатков марксистско-ленинской лексики с откровенно фашистскими, палеоконсервативными лозунгами.

Тем временем правящая элита быстро избавилась от ставшей теперь обременительной демократической фразеологии. После принятия авторитарной конституции 1993 года понадобилось меньше десяти лет, чтобы создать в России стабильный право-консервативный режим, сочетающий ультралиберальную социально-экономическую политику с подавлением гражданских свобод. Успех Путина был во многом обусловлен тем, что он сумел опереться на, казалось бы, взаимоисключающие настроения и интересы. Сформировавшаяся в 90-е годы буржуазия получила гарантии против коммунистического реванша, а левоконсервативный электорат – символическую компенсацию за распад «советской империи» и утрату «традиционных ценностей». Если в 90-е годы Ельцин, манипулируя «красно-коричневой» угрозой, смог привлечь к строительству авторитарной диктатуры демократическую интеллигенцию, то Путин аналогичным образом протитуировал лево-патриотические силы, увидевшие в нем реальную альтернативу обанкротившемуся Зюганову.

Наконец, в 2011-2012 году мы стали свидетелями крушения путинского консенсуса. Люди, вышедшие на улицы, разумеется, не возникли из ниоткуда. Их взгляды и настроения несут на себе отпечаток предшествующих политических традиций, осколки путаных, мутантных идеологий, унаследованных из 80-х и 90-х годов. Но при этом актуализируются именно те левые элементы, которые были отвергнуты при построении путинского консенсуса.

Прагматичные «экономические» либералы, близкие к правящим кругам, все эти Кудрины, Касьяновы, Прохоровы, не стали и не могли стать лидерами уличных протестов. Голоса, отданные последнему на президентских выборах, были отданы не потому, что миллиардер пользовался широкой популярностью, а потому что он был допущен к выборам и казался наименьшим из зол.

Символический капитал Навального был накоплен за счет разоблачений коррупции и финансовых махинаций в

высших сферах (то, чем на Западе занимаются такие левые, как Ральф Найдер или Джулиан Ассанж). Это, разумеется, не делает национал-либерала Навального левым или в какой-либо степени достойным поддержки, но указывает на причины его востребованности.

Одним из важных событий, предшествовавших Болотным протестам, стала битва за Химкинский лес – классический «левый» конфликт. Антиклерикальные настроения, получившие мощный импульс благодаря акции Pussy Riot, вообще не имеют прецедента в постсоветской истории – в 90-е годы либералы и «коммунисты» соревновались друг с другом в показной религиозности, отрещиваясь от воинствующего атеизма большевиков. Даже, казалось бы, беспроигрышная карта гомофобии, выуженная из рукава накануне выборов, сыграла против режима, превратив Милоновых и Мизулиных во всеобщее посмешище.

Единственный элемент, недостающий для того, чтобы увидеть в происходящих процессах возникновение нормального, т.е. левого, демократического поля общественной жизни, это – отсутствие в них заметной про-рабочей, про-профсоюзной составляющей. Но причины этого нужно искать не в мелкобуржуазной ментальности протестующих, а, скорее, в том, что за последние годы в России не произошло ни одной крупной забастовки. В то же время, небольшие по масштабам рабочие выступления, организованные профсоюзом МПРА, продемонстрировали наличие огромных резервов общественной поддержки.

Разумеется, реакционные аспекты постсоветского либерализма по-прежнему влияют на сознание протестующих, как и националистическая пропаганда. И левые обязаны с этим бороться. Но делать это можно, лишь понимая, с чем мы боремся, а что по праву можем признать своим. Необходимо радикализировать «общегражданские» протесты, а не отвергать демократические требования под предлогом их недостаточной революционности.

Да, критиковать либерализм необходимо, но при этом следует четко различать, где заканчивается критика либерализма с левых позиций и начинается его консервативная критика справа. Нужно разбить ложные, атавистические представления о том, что свобода для бизнесменов каким-то образом обеспечивает гражданскую свободу, а не заявлять, что борьба за гражданские свободы – ложь, т.к. воспользоваться ими в полной мере при капитализме способны только богатые. Один уважаемый мною питерский активист, считающий себя либералом, произнес примечательную фразу: «Уж лучше жить в стране с национализированной экономикой, чем в стране, где нарушаются права человека». Должны ли мы возразить ему в том духе, что права человека есть буржуазная толерастия, или сказать, что только поставив экономику под демократический контроль, мы можем гарантировать соблюдение гражданских прав? Лично для меня ответ очевиден.

02 февраля 2014

РОССИЙСКАЯ ЛЕВАЯ ДОЛЖНА СТАТЬ РАБОЧЕЙ, ОТКРЫТОЙ, ПРОГРЕССИВНОЙ

Украинские события показывают нам один из вариантов развития протестного движения в России. Вряд ли придется сомневаться, что в условиях жесткого полицейского режима новый раунд протестов начнется с того, чем завершился прошлый – с кровавого противостояния демонстрантов и ОМОНа.

Очевидно так же, что в отсутствие сколько-нибудь заметного рабочего движения и относительной слабости левых сил, будущая революция по своему характеру будет не социалистической. Ее идеологическая окраска может быть лево-либеральной или либерально-националистической, ЛЕВО-либеральной или либерально-НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОЙ. И это вовсе не малозначительные нюансы. От хода и исхода движения будет зависеть, какой политический ландшафт мы застанем после прокатившейся бури, в какой мере будет реализован демократический потенциал революции. Окажутся левые (и профсоюзы) в еще более маргинальном положении, чем сегодня, что мы, к несчастью, наблюдаем в Украине, или, выступая как одна из фракций революции, займут подобающее место на политической сцене, став ядром оппозиции новому режиму?

Отсюда, следует, во-первых, консолидация под знаменами прогрессивных левых антифашистских, антиксенофобных, революционно-демократических элементов протестного движения, а также решительное идейное размежевание с консервативными, сектантскими, догматическими или резонерствующими течениями в российском левом движении.

Либеральные лидеры будут стремиться заключить сделку с ультраправыми, что может привести к гегемонии радикальных националистов в протестах, как это произошло в Украине. Все группы, враждебные националистам, включая ЛГБТ и этнические меньшинства, леволиберальные течения демократии, должны рассматриваться нами как союзники.

Приход к власти лидеров либеральной мелкой и средней буржуазии тактически выгоднее для нас, чем сохранение у кормила государства реакционной олигархии, правящей посредством полицейского аппарата. Это, однако, вовсе не означает, что левые должны пассивно следовать в фарватере буржуазной оппозиции. Мы должны стать революционной оппозицией внутри оппозиции, отстаивать наиболее радикальные лозунги и методы борьбы с диктатурой. Оппозиционные либералы – противник третьего порядка, после Путина и националистов.

Во-вторых, не отрицая значения выборов, даже в условиях путинского режима, как инструмента агитации и пропаганды, следует готовиться к развитию событий по наиболее радикальному сценарию. Прежде всего, необходимо усилить взаимодействие левых и участников антифа-движения, консолидировать прогрессивные силы в социалистическом, коммунистическом и анархическом движении.

В-третьих, мы должны усилить работу в профсоюзном движении, одновременно противостоя попыткам якобы левых, а на деле – объективно прокремлевских сил противопоставить борьбу трудящихся за их экономические интересы и борьбу за демократию. Развитие рабочего движения в России тормозится отсутствием политических свобод, независимых судов, всемогущим репрессивным аппаратом. С другой стороны, серия успешных забастовок могла бы многократно усилить влияние левых идей в среде граждански активного населения. Поэтому профсоюзная и демократическая активность левых должны идти рука об руку, взаимно усиливая и дополняя друг друга. Российская левая сегодня должна быть в такой же степени рабочей, социальной, как и открытой, демократической, прогрессивной. И, прежде всего, сбросить одолевающую ее апатию.

26 января 2014

содержание:

ПРОЛЫ, ИНТЕЛИ, ХИПСТЕРЫ, КРЕАКЛЫ...

Рабочий класс в постсоветской России.

Что стоит за «глухим смирением»?(4)

Интересы моего класса(16)

Пролы и хипстеры. Двойная мистификация(23)

О «хомячках» и спецовках. ответ скептикам(31)

«МЕНЬШИНСТВА» И «БОЛЬШИНСТВА»

В защиту большинств(40)

Визовый режим со странами Средней Азии –
решение или уход от решений?(46)

Ложь в стиле «этно»(49)

Левый ответ на миграционный вопрос(54)

Большинство должно «выйти из шкафа»(64)

Коммунистичный мем, или что левые
могут взять у Ричарда Докинза(67)

Большой красный мужик и другие жертвы патриархата ..(73)

Домострой против потребления:
новый смысл или старая бессмыслица?(79)

ПРОТИВОСТОЯТЬ КОНСЕРВАТИВНОМУ ДРЕЙФУ

Друзья воображаемого народа(84)

Противостоять консервативному дрейфу(91)

Почему я не с вами. Ответ авторам

«Заявления левых сил России по событиям в Украине» ... (94)

Левая политика ценностей(97)

Левые vs либералы. О критике и «критике»(99)

Российская левая должна стать рабочей,
открытой, прогрессивной(106)